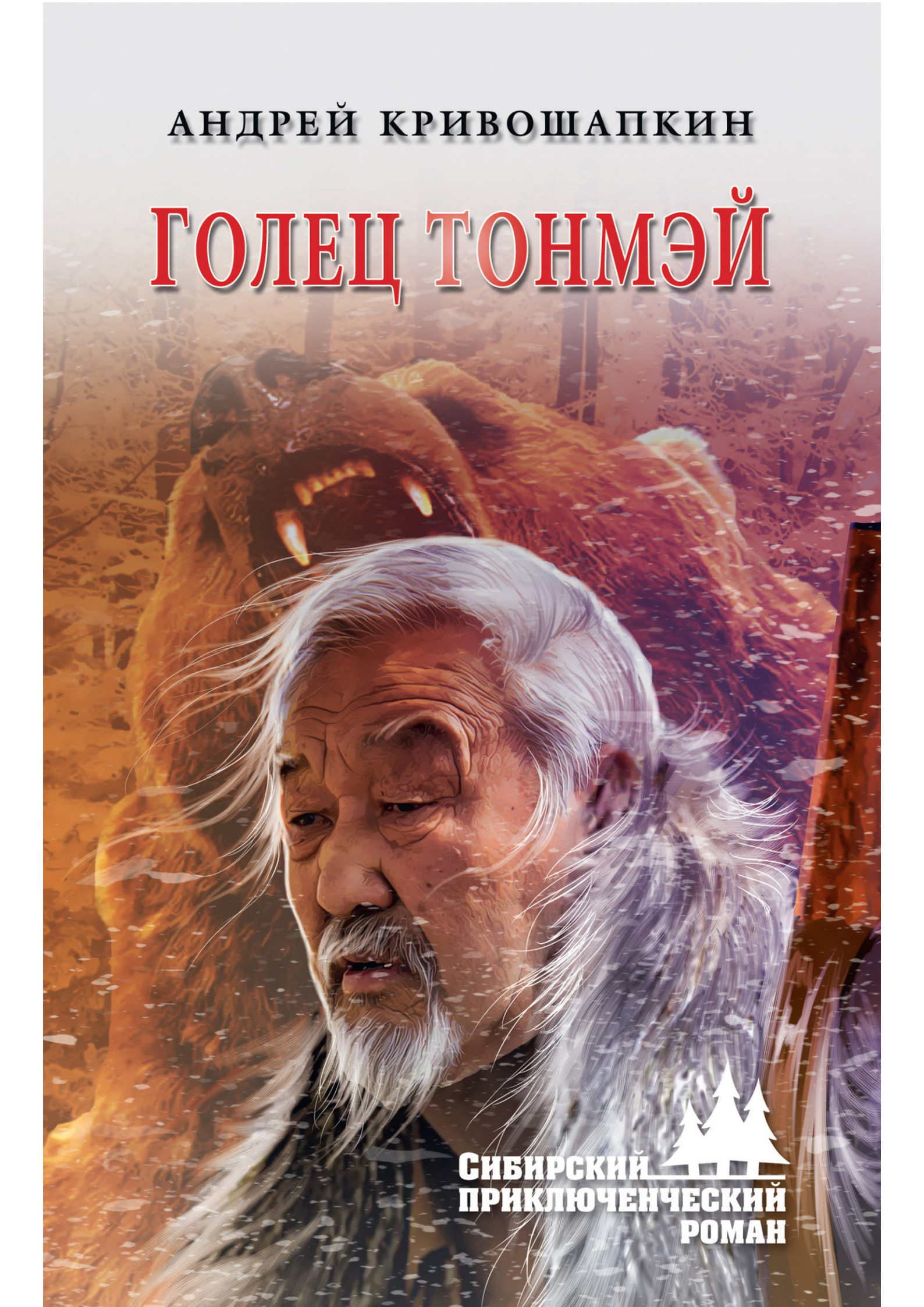

АНДРЕЙ КРИВОШАПКИН

ГОЛЕЦ ТОНМЭЙ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Андрей Кривошапкин

Голец Тонмэй

«ВЕЧЕ»

2019

Кривошапкин А. В.

Голец Тонмэй / А. В. Кривошапкин — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8073-7

Суровый полярный край, скалистые снежные горы, у подножия которых кочует храбрый добродушный народ ламутов. Сменяются поколения, меняется и окружающая природа, но неизменны вечные ценности, без которых немислимо дождаться «нового солнца» морозными темными ночами. Это сила духа, взаимовыручка, щедрость и справедливость. Роман открывает культуру и традиции малоизвестного северного народа, эвенков, их верования, обычаи и древние легенды. Читателя ждут смертельные поединки с абага-медведем, охота на оленей-сокжоев и горных баранов-уямканов, схватки с волками, встречи с христианскими миссионерами и, конечно, всепобеждающая любовь и беспредельная жажда жизни.

ISBN 978-5-4484-8073-7

© Кривошапкин А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вступление. Древняя легенда	5
Глава первая. Противостояние	8
Глава вторая. Поединок	25
Глава третья. Поездка к мямьльским ламутам	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Васильевич Кривошапкин

Голец Тонмэй

Роман

Вступление. Древняя легенда

Поет игривая речка Тонмэйчэн. Стоит забыть на миг, вслушаться в пение бегущей воды, и можно разобрать, о чем эта песня.

Поет она в разное время года по-особому: то весело и задорно, словно ликуя и радуясь жизни, то тревожно, будто опечалена чем-то, то с глубокими вздохами, как при ненастье или тяжкой болезни. Не зря же говорят, что любая река жива, что у нее живая душа. Она веселится и грустит вместе с переменами во Вселенной. В начале лета, когда тополиные леса и тальниковые роши по обоим ее берегам одеваются в нежный зеленый наряд, а поляны покрываются ярко-пестрым цветочным ковром, речка Тонмэйчэн словно превращается в юную девушку-ламутку дивной красоты.

Когда на бездонном синем небе сияет яркое солнце и теплыми лучами ласкает серебристую гладь воды, речка Тонмэйчэн шаловливо переливается сверкающими изумрудами на быстрых перекатах.

Вода ее прозрачна, будто хрусталь. В глубине, под обрывами, среди причудливых, отшлифованных до удивительной глади камней, называемых ламутами «сата», видны темноспинные хариусы...

Свое начало речка берет у подножия могучего Гольца Тонмэя. Это он, как любящий отец, благословил свою дочь на долгий путь. Кочевые ламуты с незапамятных времен нарекли ее Тонмэйчэн. Она несет миру весть о славном Гольце Тонмэе, который во все времена спасал кочевой народ ламутов от голодной смерти.

Как поется в древней легенде, в былые века, начало которых никто не помнит, в этих местах простиралась бескрайняя тундра. Не было ни деревьев, ни тальников, ни даже карликовых кустов. Одни голые снежные сопки и бесконечные белые равнины.

Кочевники питались рыбой, ловя ее в окрестных озерах.

Жил среди них удачливый охотник по имени Ламут. Кочевал он по всей тундре от одного озера к другому. Зимой путешествовал очень далеко, по богом забытым местам, о которых даже и не ведали его сородичи. Возвращался с богатой добычей, привозя оленину, сохатину и вкуснейшее мясо уямкана – снежного барана. Никто не мог сравниться с ним в охотничьей удаче. Только он один мог выдерживать дальние кочевки в погоне за сокжоем или сохатым. Отовсюду к нему тянулись сородичи, чтобы кочевать вместе с ним по необъятной тундре. Так образовался небольшой, но крепкий народ.

Охотник Ламут славился еще и тем, что умел предсказывать погоду, знал, когда ожидать сильных дождей или снежных буранов.

Еще он умел лечить больных травами, листьями и ягелем. Угадывал судьбу, будто знал, что и с кем случится, кто и когда уйдет из жизни. Но чаще всего он изгонял болезни без всяких трав и листьев. При этом не говорил, а просто пел и этим таинственным пением исцелял больных.

Ламут жил в уединении, чуть в стороне от илumu сородичей. Когда вечерняя мгла накрывала стойбище, от его жилища доносилось тихое пение. Сородичи слушали и, светлея душой, засыпали.

Ламут говорил людям о том, что однажды он незаметно исчезнет, и предупреждал, чтобы те не искали его зря, ибо при всем старании не найдут. Предсказывал, что со временем их жизнь неузнаваемо переменится, что среди них появится сильный, смелый вожак, который спасет их от неминуемой гибели. А весь народ будет называть его именем – ламутами.

Однажды случилось то, о чем предупреждал Ламут. Он исчез, будто растворился в воздухе. Люди с надеждой ждали его возвращения, но тщетно. Старики говорили, что Ламут ушел на небеса...

Люди словно осиротели. А однажды нагрянула беда. В озерах вдруг исчезла вся рыба. Начался голод. Один из охотников по имени Чируни сторонился остальных родичей. Далеко от стойбища облюбовал он себе одно безымянное озеро, в котором еще водилась рыба. Чируни никому о нем не поведал. Часть улова, ни с кем не делись, съедал сам, а остаток прятал. Все видели, как в озерах исчезает рыба и как худеют люди, но почему-то один Чируни оставался прежним, ничуть не страдая. И тут пришла новая беда. Озера стали высыхать.

Среди родичей силой, ловкостью и удачливостью выделялся молодой охотник Бэргэни. Он один без устали носился по безбрежной тундре в поисках рыбных озер. «Не может же рыба исчезнуть повсюду! – думал он. – Я непременно найду такое озеро, где рыбные косяки плескались бы от берега к берегу. Сам погибну, но спасу других».

Однажды Бэргэни в самом дальнем озере поймал крупных хариусов и поспешил к стойбищу, чтобы накормить сородичей. И тут он заметил вдали человека. Неизвестный копошился у берега под сопкой. Бэргэни решил выяснить, чем так увлечен этот человек. Он тихонько подкрался к незнакомцу и увидел, что тот ест рыбу, одну за другой. И тут он признал своего сородича Чируни.

– Ты что тут делаешь?! – воскликнул Бэргэни.

Чируни, застигнутый врасплох, затрясся от страха и закрыл голову руками, ожидая удара Бэргэни.

У ламутов существует древний обычай, передаваемый из поколения в поколение: никогда не забывай ближнего своего. Первым делом вспомни о нем и накорми, только потом заботься о себе. Бэргэни с малых лет впитал эту заповедь. Этот главный завет спасал северных людей, поэтому не погибли они и научились делиться друг с другом...

– Ты совершил большой грех. Дух озера не приемлет жадности. Так вот почему рыба тает, словно снег на солнце!.. Ты своей жадностью обрек на голодную смерть всех своих сородичей, Чируни... Вот о ком оказывается говорил небесный Ламут. Он ведь предупреждал нас! – с досадой молвил Бэргэни. Повернулся и пошел прочь.

Мрачное предсказание не заставило себя долго ждать. Рыба пропала совсем. Как ни старался Бэргэни, рыба не ловилась. Исчезла она и в том озере, где втайне лакомился Чируни. Удача случалась редко. Люди делились последним. Не забывали и Чируни. Они знали, что без их поддержки Чируни погибнет. Ведь бескорыстие у таежных детей матери-природы в крови...

Однажды Бэргэни, стоя на берегу самого дальнего озера, увидел гигантскую черную птицу, низко летящую над тундрой. Никогда в жизни не встречал он такой страшной птицы, у нее были огромный острый клюв и жуткие круглые глаза. Бэргэни заметил в ее когтях человека с длинными черными косами. Недолго думая, Бэргэни выхватил из-за спины лук, натянул тетиву и пустил стрелу. Стрела вонзилась в черную птицу, та выронила свою жертву и, тяжело взмахнув огромными крыльями, исчезла за горизонтом. От взмахов ее крыльев поднялся такой сильный ветер, что даже вода в озере стала выплескиваться на берег, а Бэргэни едва устоял на ногах. Он подбежал к упавшему человеку и отпрянул. Перед ним лежала девушка дивной красоты, она была без сознания. Он осторожно поднял ее на руки и понес к стойбищу.

К счастью, девушка оказалась жива. Она была совсем не похожа на кочевницу. Так они поняли, что где-то на земле есть другая жизнь и другие люди. А девушка, очнувшись, загово-

рила вдруг на их родном языке. Тогда сородичи окружили ее заботой, стали лечить травами, и девушка потихоньку начала выздоравливать. Однажды она назвала их ламутами.

– Я знала Ламута, вашего покровителя, – сказала она. – Теперь вы все будете зваться – ламуты.

Когда она поправилась, то кочевала вместе с ними. И тогда ожили все озера. Рыба в них заиграла. Девушка рассказала, что Дух окрестных озер осерчал на ламутов за то, что один из них пожадничал, думая только о себе, когда остальные голодали. Но Дух озер простил их, видя милосердие остальных, ведь ламуты не прогнали жадного сородича, а наказали того своей добротой. Девушка особенно благоволила к Бэргэни. Она поведала о том, что его имя не ламутское. И действительно, ведь Бэргэни помогал любому, кто проезжал по здешним местам. Однажды люди, говорящие на другом языке, побывали в этих краях и, пораженные меткостью охотника, стали звать его Бэргэном. Так прижилось это новое имя.

Как-то раз девушка, оставшись наедине с Бэргэни, сказала:

– Подошло мое время. Право, загостились я у вас. Бэргэни, ты добрый человек. Я жила среди вас, как дочь, окруженная добротой и любовью. Знаешь ли ты, что ваши предки жили в лесах и охотились в горах? В награду за мое спасение и вы в скором времени станете жить лучше. Вас будут окружать леса и горы, защищая и радуя. Главная скала будет называться Тонмэй. Уямканы не пробегут мимо Тонмэя, всякий раз останавливаясь возле него. От Тонмэя возьмет начало красавица речка. Вы станете сытно жить в окрестностях кормилицы-скалы и обретете свое счастье.

Наступил вечер. Ламуты долго сидели у очага, слушая девушку. Говорили про обыденное: как прошел день, скоро ли переменится погода, что надо сделать завтра. А наутро девушка исчезла. Все поиски были тщетны. В тревоге прошел день. Наконец, с наступлением ночи ламуты улеглись спать. А поутру не узнали привычную местность и не на шутку перепугались. Страх обуял их души... заплакали женщины, а следом и дети. Стар и млад, будто стоворившись, кинулись в чумы и попрятались под шкуры. Им казалось, что вот-вот на них обрушится небо и сама земля перевернется... Куда делась бескрайняя тундра и многочисленные озера? Их нигде нет, будто испарились. Вместо них вокруг шумят густые леса, зеленеют цветастые луга, а за ними высятся горы с ледяными шапками на макушках... Среди гор выделялся могучий Голец с темным испещренным ликом. У его подножия с радостным журчанием струилась маленькая речка. Удаляясь от Гольца, она ширилась и грохотала на всю округу. Только тогда потрясенные ламуты поняли, что у них погостила сама дочь Духа земли, покровителя охоты.

Прошло время. Человек ко всему привыкает быстро. Так было и с ламутами. Как и предсказала необычная девушка, ламуты стали жить припеваючи. Снежный баран непременно останавливался у Гольца Тонмэя. В лесных чащобах пасся сохатый. Со стороны холодного студеного моря приходили стада диких сожжов...

Голец Тонмэй возвышается над всеми окрестными горами, которые, как рассказывается в ламутской легенде, считаются его детьми. И тянутся эти горы гряда за грядой далеко-далеко на север. Сколько помнят выюжные ветры, свободно гулявшие в суровые зимы по острогам ближних и дальних снежных вершин, сколько ласкает с ранней весны и до поздней осени щедрое солнце эти бесконечные леса, цепи неприступных скал и неисчислимые ряды распадков, столько по ним кочевал небольшой, но крепкий народ ламутов. Никто не знает, сколько снега выпало и растаяло за это время. Разве что знают об этом величавые горы – вечные спутники и свидетели рождения и смерти ламутов на пути непрестанных кочевий.

Вот что поведала древняя ламутская легенда о зарождении той земли, по которой с давних седых веков и поныне кочуют герои этой книги.

Глава первая. Противостояние

*...Истинный ламут тот, кто вечно кочует
по таежным тропам и горным перевалам
и черпает силы у седых гольцов.
Ламуты – древнейший народ.
По большому счету, их немного.
Зато у них несгибаемый кремневый дух.
Гордые и сильные, честные и справедливые,
они никого не подведут.
Никогда.*

Андрей Кривошапкин

– Ичээни-и! – летит над тундрой звонкий женский голос.

Белозубая улыбка осветила загорелое лицо молодого ламута. Он повернул голову в сторону холма, у подножья которого виден конусообразный чум, покрытый потемневшей ровдугой.

«Айсач заждалась меня, – радуясь, подумал ламут. – Пора к вечерней трапезе...».

Это был глава молодой ламутской семьи Ичээни.

– Иду-у! – крикнул он в ответ.

Начал было потрошить рыбу на берегу, но, услышав зов жены, запихал в старый мешок из рыбьей кожи жирных омулей. Днем, расставив сети, долго ходил вдоль берега протоки реки Колыма. «Рыбы много. Коли удачно порыбачить, будем вялить и коптить», – думал он, следя, как темнопинные рыбины теснятся в глубине водоема.

Ичээни вернулся к своим сетям. Сел в утлую лодочку, обтянутую рыбьей кожей, и медленно стал двигаться вдоль сети, вынимая из ячеек добычу. Подобрал весь улов, молодой ламут быстро собрался и скорым шагом двинулся к чуму.

– Айсач, гляди, сколько рыбы?! – Ичээни опустил на траву тяжелый мешок.

– О, гудей¹ Ичээни! Я так и знала, что вернешься с уловом! – радостно всплеснула руками Айсач.

На траве постелили выделанную замшевую шкуру и на нее вывалили всю рыбу.

– Помой руки и идем пить чай, – ласково позвала Айсач.

– А где Тонмэй? – оглядываясь, спросил Ичээни. Он сразу заметил отсутствие сына.

– Пошел к оленям...

Загорелое лицо Ичээни озарилось улыбкой. «Сын мой... Пускай учится быть самостоятельным», – подумал он и сказал:

– Я помню, мой отец улыбался, когда я, сам как рукавица маленький, не отходил от оленей... Он пра... – на полуслове запнулся.

В это время горящие угли зловеще затрещали. Айсач вздрогнула и глянула на мужа. Ичээни уставился на угли, посмотрел на Айсач. «К чему этот синкэн?²»

– Чую, что-то неладное случилось с твоими родственниками... – неуверенно произнесла жена.

Ичээни умолк и задумался, жена тоже притихла. Помолчав, Ичээни встал и вышел из чума. Присел на каменный валун и тяжело вздохнул. Подумал об отце: «Дух огня подал тре-

¹ Гудей – милый.

² Синкэн – дух огня характерным треском о чем-то предупреждает.

вожрый знак. Что там с отцом? Он всегда был крепким и сильным...» Он подумал об Айсач, вспомнил, как часто сбываются ее слова... «Однако Дух огня мог подать сигнал и по другому случаю. Необязательно отец...» – Пытаясь успокоить себя, Ичээни гнал дурные мысли. Он поднялся с валуна и зашагал в сторону синееющих вдали сопков. За ними пасутся олени. Тонмэй должен быть там. Он несмышлениш еще, сам с ноготок, а от оленей не отстает. Куда они повернут, туда и малец следом. За ним самим глаз да глаз нужен.

Пока шел по кочкаристой мари, вспоминал первую поездку с отцом. Будто это было недавно, представил безбрежные снежные просторы в окрестностях большого ламу³, скованного ледяными торосами. Таежные ламуты часто в погоне за стадами диких сокжоев на оленьих упряжках добирались до ледяного ламу.

Ему по душе необъятная снежная ширь, ослепительная белизна снежного покрова, голые холмы, тянувшиеся друг за другом вдаль на восток. Очень скоро Ичээни, любознательный юноша, запоминающий все, что видели его глаза, полюбил бесконечную цепь этих заснеженных сопков. В них под снежным покровом таился сочный ягель. И это не все. Очень скоро молодой охотник понял, что эти сопки надежно защищают все живое от снежных бурь. А самое главное, тучные стада диких сокжоев облюбовали их окрестности. Откуда было знать юному ламуту, что сокжой приходили сюда, в таинственное царство сопков, с давних, незапамятных времен.

Всем сердцем и душой юноша Ичээни полюбил этот суровый, но добрый, по сути, безбрежный край снега и льда...

Мысль за мыслью, как паутины оленьих следов, потянулись воспоминания. Ичээни, теперь уже зрелый охотник, мысленно оглянулся назад и подробно вспомнил прожитое.

Вспомнил, будто это было недавно, как ездил с отцом к берегам бескрайнего северного ламу в погоне за стадами сокжоев...

Добрая улыбка осветила загорелое лицо молодого ламута. Перед его мысленным взором предстала милая Айсач, которая перевернула всю его жизнь.

А начиналось все так...

* * *

...Отец Ичээни, старец Гургули, слыл удачливым охотником. Он был крупного телосложения, сильный и выносливый. Пуще глаз берег верховых оленей. При кочевке или выезде на охоту часто их менял. Старался подолгу идти пешком, ведя за собой верхового оленя. Так он привык с молодых лет. И своим сыновьям привил бережное отношение к ездовым и вьючным оленям. «Больше ходите своим ходом. От этого не убудет ваша сила, а наоборот, станете крепче и выносливее, – часто повторял он. – Зато ваши олени сохранят силы...»

Старец Гургули в каждую зиму уезжал на долгую охоту к заснеженным берегам ледовитого ламу. Брал с собой одного или двух сыновей и еще кого-либо из сородичей. Старца манили дикие сокжой. Захватывающая охота на них пленила его с тех давних лет, когда он был молодым и ловким.

В таежных массивах, ближе к тундровым пастбищам, давно облюбовал он укромные места, где строил крепкие лабазы. Ремонтировал их каждую осень вместе с сыновьями. Это оправдывалось в охотничьей жизни. Порою охота удавалась. Бывало, всю добычу разом и не перевезти до стойбища. Тогда туши добытых сокжоев оставляли на лабазах, вывозя их в течение зимы. Делились со всеми сородичами. Зато домашних оленей не забивали на пропитание. Их берегли, как могли. Когда олени паслись рядом, ламуты были спокойны и уверены в завтрашнем дне. Так они жили долгие годы.

³ Ламу – море, большая вода (эвенк.).

Гургули в отношении сыновей был в меру суров. Словесными нравоучениями не утруждал себя. За них ничего не делал. Сыновья, как он думал, сами всему должны учиться, наблюдая за ним.

Ичээни, с одной стороны, привык видеть отца всегда спокойным, порою надменным, немногословным и неулыбчивым, уверенным в себе и мужественным. Ему, молодому охотнику, хотелось походить на отца. Порою юноша ловил мимолетную улыбку отца. Правда, не очень-то понимал подлинную суть отцовской улыбки при его извечной суровости.

Однажды поздней осенью, когда вся земля притихла под тяжестью снега, старец Гургули вновь отправился к ламу. С ним поехали сыновья Ичээни, Гякичан и молодой сородич Дэгэлэн Дэги. К поездке готовились основательно. Подобрали сильных, выносливых оленей. Ехали долго.

Когда добрались до устья реки Инди, решили дать отдых оленям. Поставили чум. На следующее утро встали на широкие лыжи, обтянутые лосиным камусом и отправились осматривать охотничьи угодья, заодно выясняя, много ли сокжоев тут обитает... Ради них забрались в этакую даль. Вначале держались вместе. Но когда вдаль показалась гряда белоснежных сопок с бесчисленными распадками, охотники остановились. Старец Гургули распорядился разъехаться по двое и обследовать местность. С собой Гургули взял старшего сына Ичээни, а Гякичан с Дэгэлэн Дэги направились в другую сторону.

* * *

...Широкие лыжи, обтянутые лосиным камусом, не тонули в глубоком снегу. Впереди шел и торил путь Ичээни. За ним – отец. Поднялись на сопку и, присев на снег, стали осматриваться вокруг. То здесь, то там заметны следы. Сразу стало ясно, что тут паслись небольшие косяки сокжоев.

Вскоре старец Гургули почувствовал сильную усталость. «Это годы мои дают о себе знать. Слабею, силы постепенно покидают меня», – с грустью подумал он, следя за ловкими движениями сына. «И я когда-то был таким же, как Ичээни. Не знал усталости. А теперь, видно, сыновьям становлюсь в тягость», – подтрунивал он над самим собой.

День прошел быстро. Выскакивали из-под ног пугливые зайцы. Поднимались с шумом стаи куропаток.

Старец Гургули все примечает. «Стало быть, по близости сокжоев нет, коли зайцы, да куропатки так близко подпускают к себе человека», – думал старец. Он помрачнел, ведь приехал в этакую даль, чтобы запастись оленьиной, а не любоваться всякой мелочью.

Кое-где, в основном на распадках, старец Гургули с Ичээни встречали небольшие косяки. Те вели себя осторожно.

– Эти сокжои почему-то пугливы, – чуть слышно пробормотал старец и краем глаза глянул на сына.

Ичээни, будто ждал отцовских слов.

– Ама, видно, до нас тут поохотились другие охотники и напугали сокжоев, – сказал он.

Больше сокжоев они не встретили. День подходил к концу. Воздух заметно густел. Начало смеркаться.

Вдруг отец присел на снег и подал знак сыну. Ичээни подскочил к отцу. Концом посоха старец указал вниз, в долину. Там стояли два чума, струился сизый дым, на привязи к нартам толпились олени.

Старец Гургули вглядывался в чумы. Затем бросил на сына тревожный взгляд и стал пятиться назад. Сын без слов понял отца. Обеспокоенность старого охотника передалась и ему. Отъехав подальше, старец Гургули остановился. Опустился на корточки и тихо проговорил:

– Мне показалось, что это хэеки⁴. Если это так, то скажу тебе, сын мой, нам будет очень туго. Как нам быть?!

– Ама, хэеки тоже люди. И у них, наверно, семьи, дети, старики, – проговорил Ичээни.

Старец Гургули в ответ ничего не сказал. Только пристально глянул на сына. По всему было видно, что старый ламут одобрительно воспринял его слова. «Не заметил, как сын мой Ичээни вырос. Ты только посмотри, как он ответил на мои слова?! Совсем, как старый ламут, проживший долгую жизнь... Да, он прав. Кто бы это ни был, они тоже люди, как и мы. Надо подъехать к ним с миром, а там все прояснится. А если встретят как врага?! Нас только двое... Жаль сына. Ему еще жить и жить вместо меня... Как же быть?» – такие мысли вертелись в голове старца Гургули.

Ичээни замер в ожидании слов отца.

– Как же нам быть, Ичээни? – наконец, спросил отец.

– Может, спустимся к ним, ама?

– Предлагаешь спуститься к ним?! А если нас убьют?

– Голец Тонмэй оградит нас от этого, – сказал Ичээни.

– Наш Голец Тонмэй далеко от нас... Впрочем, ты прав. Он нас в беде не оставит...

Все же, может, вернемся к Дэгэлэн Дэги с Гякичаном и вместе обмозгуем, как нам быть и что предпринять? – Сомнения не отпускали старца Гургули.

– Ама, лучше сразу определим, кто они. Если враги, значит, так тому и быть. Тянуть нельзя, иначе они первыми нападут на нас.

– Толково говоришь, сын мой. Можно и так поступить... – Отец умолк и задумался, глядя туда, где в низине стояли два чума.

Ичээни ждал решения отца.

– Поступим так, сын мой. – Старец Гургули негромко кашлянул в кулак. – Мы не можем спуститься вниз к незнакомым людям. В таком случае Дэгэлэн Дэги и Гякичан не будут знать, что с нами... – В тундре люди подозрительны друг к другу. Это не потому, что они злые дикари, а потому, что кочевые люди живут замкнуто и всякий чужак мнится им врагом. – Если нас обоих убьют... Дэгэлэни Дэги непоседа, он немедля станет искать нас и угодит в ловушку. И все наши, кто остался у Гольца Тонмэя, так и не узнают, что с нами произошло. Сейчас вернемся к Дэгэлэни Дэги и посоветуемся, как быть дальше. Согласен?

– Я все понял, ама...⁵

Они повернули назад. Дэгэлэни Дэги обрадовался, когда подъехали Гургули и Ичээни.

Как подобает истинному ламуту, старец не сразу поведал о незнакомых кочевых людях.

Выпили чаю. Парни ждали, когда заговорит отец. А тот не торопил время. Видно было, как за день жажда измучила его. На вареное мясо даже не глянул.

Наконец он обвел всех взглядом и спросил:

– А как у вас, дети, день прошел? Что интересного видели?

– Сокжоя нынче что-то мало, абага⁶, – заговорил Дэгэлэн Дэги.

– И мы мало их видели, – кивнул головой Гургули.

– А ведь раньше тучные стада паслись здесь, по тундре. Куда они делись, ума не приложу, – тараторил Дэгэлэн Дэги.

Он правильно сокрушается. Не в первый раз молодой ламут охотится со старцем.

– Куда они денутся? Возможно, более сочные пастбища облюбовали где-то. Тундра-то обширна, да и ягельных сопков много. Найдем их, коли с нами ничего не случится... – Старец Гургули отпил из кружки остывающий чай.

⁴ Хэеки – в древности ламуты так звали чукчей.

⁵ Ама – отец.

⁶ Абага – дедушка.

– А что с нами случится? Никто пока не болен.

Старец Гургули бросил взгляд на Ичээни, словно спрашивая: не пора ли поведать им о незнакомцах?..

Сын многозначительно глянул на отца, мол, повремени. А сам посмотрел на младшего брата и спросил:

– А ты, Гякичан, чего молчишь? Что ты увидел за день?

Гякичан улыбнулся и сказал:

– Хвостатых встретили...

Старец и Ичээни переглянулись.

...Ламуты с незапамятных времен о хищном звере привыкли говорить иносказательно. Это не от трусости. Боже упаси! Этим детям матери-тайги страх неведом! Наоборот, крепости духа и удали в них больше чем достаточно. Такт и уважение ко всему живому передается им с молоком матери из поколения в поколение. К волкам относятся с почтением, отзываются о них иносказательно. Чаще называют «хогдилкан», стало быть, «хвостатый». По народному поверью, хвостатый – умный зверь, с которым можно достичь понимания.

Ламуты верили этому. Стало быть, хвостатые будут обходить стороной их оленей.

– А почему молчали? Ну-ка, поведайте, что и как было, – велел Ичээни. Отец заметно ободрился. Под седыми бровями оживились глаза.

Гякичан и Дэгэлэн Дэги, перебивая друг друга, рассказали, как встретили двух матерых волков и погнались за ними. Звери тонули в глубоком снегу, они выслеживали сокжоев, но, натолкнувшись на людей, шарахнулись в сторону и угодили в непроходимые снежные заносы. На широких охотничьих лыжах молодым ламутам не стоило труда догнать их.

– А шкуры сняли с хвостатых? – спросил старец Гургули.

Тот замялся, глянул на Дэгэлэн Дэги.

– Нет, абага. Шкуры оставили при них самих, – виновато ответил Дэгэлэн Дэги.

– Как же так! Это же ваша добыча...

– Мы не стали добивать хвостатых, абага. Правильно поступили или неправильно, я не знаю. Но в глазах самки я увидел такое страдание, какое бывает только у человека. У меня не поднялась рука...

* * *

В чуме воцарилась тишина. Каждый погрузился в свои думы. Дэгэлэн Дэги, говорливый непоседа, на этот раз задумался не на шутку. Ему мнилось, что старец порицает его за то, что он оставил в живых этих кровожадных хвостатых. «Может, я поступил неверно? Надо было в самом деле снять с них шкуры, а я пожалел их. По правде сказать, мне оправдаться нечем. Я виноват. Хвостатые теперь выберутся из снежных сугробов и будут гоняться за стадами сокжоев, а нам останутся только их следы и обглоданные останки. Неверно я поступил...» – Дэгэлэн Дэги аж вспотел от тревожных мыслей. Глянул на Гякичана. Тот безмятежно полулежал на оленьей шкуре. Дэгэлэн Дэги позавидовал его спокойствию.

Старец Гургули достал из небольшого замшевого мешочка щепотку мелко-мелко нарезанного листового табака, набил трубку. Прикурил от лучины. Кисло-сладкий сизый дымок поплыл по чуму. Дэгэлэн Дэги сглотнул слюну...

А старец, закрыв глаза, несколько раз затянулся. После протянул трубку Дэгэлэн Дэги. Тот принял трубку и тоже затянулся. Краем глаза глянул на Ичээни и передал трубку ему. Тот сделал несколько затяжек и, в свою очередь, протянул трубку самому младшему Гякичану.

Трубка вернулась к старцу. Он прикрыл глаза и, казалось, весь был окутан сизой дымкой. Молодые ламуты ждали его слов. Наконец старец вынул трубку изо рта, тщательно обтер чубук и сунул трубку за пазуху. После этого, глянув на Дэгэлэн Дэги и Гякичана, молвил:

– Вы, ребята, поступили по-людски, как наши предки. Те были истинные ламуты. Я одобряю ваш поступок. – Морщинистое как неровный ягельный склон скалистой горы, шершавое лицо его заметно оживилось. Парни облегченно вздохнули. – Жизнь ламута трудна. Случаются и безвыходные ситуации. Вам еще предстоит пройти через многое. Человеку особенно плохо, если он злой. Надобно больше опираться на добро. Расскажу вам один случай из моей молодости. Я был тогда вашего возраста... Однажды жадная росомаха замучила нас, воруя мясные запасы, оставленные на лабазах. Я решил ее поймать. Построил ловушку. Обтесал пару бревен средней толщины. Подвесил. Поднастроил язычок. Заденет его – и бревна мгновенно задавят зверька. Подложил приманки. Дело было весной, во время таяния снега. Едва я скрылся за деревьями, как услышал, что ловушка сработала.

За сутки до этого на вершине сопки попались мне на глаза матерый волчище и его подруга, молодая волчица. Как раз было время волчьего гона. Они барахтались, резвились, не замечая меня. Казалось, что они с ума сошли от избытка чувств. Во время гона волки забывают о еде и быстро истощаются.

Волки учуяли запах моей приманки и прибежали. В таких случаях волк-самец подкармливает подругу, а сам терпит... Волчица заползла под мою ловушку, и ее придавило бревнами. На ее счастье я еще не ушел далеко. Обрадовался, попалась росомаха! Подбегаю и вижу: вокруг ловушки прыгает волчище. Весь отощавший, ребра выпирают сквозь шерсть. Грызет бревна, рычит, будто рыдает. Хочет вытащить подругу и не знает, как это сделать...

Увидев меня, он поначалу расшаркался, шерсть на загривке встала дыбом, злобно зарычал. Тогда-то я понял всю его трагедию. Он терял свою подругу. Это за их любовь я наблюдал. Вот тут-то и у меня улетучился страх перед волком.

Не стал его отгонять. Пусть рычит, сколько ему хочется. Не обращаю на него внимания. Я парень был крепкий, жилистый. Мне ли бояться тощего волка. Это он отошал от любви... Я стал оттаскивать бревна в стороны. Волк на меня не нападал, а, наоборот, отошел чуть дальше и наблюдал. Я подоспел вовремя. Волчица была еще жива. Тихо скулила. Пыталась встать, но ноги подкашивались. Тогда я сам ее приподнял и положил на снег. Всю приманку и все, что оставалось в моей котомке, выложил перед стонущей волчицей, пускай подкрепится. Самец перестал рычать, а когда я уходил, он долго смотрел мне вслед... Через неделю на этой же сопке я увидел их обоих. Почуввав меня, оба протяжно завывали...

В итоге волчица понесла. Хищники уходили прочь, чтобы их детеныши, подрастая, не навредили мне, моим сородичам и оленям. Не думайте, что волки глупые. Никогда так не думайте. Это жестокие, но умные хищники. С тех пор мы почти не видели волков. Они не убивали наших оленей. Может быть, они нас даже оберегали, не подпуская других хищников... Кто знает, может и так. Доброта – большое дело. Вы правильно поступили, что не добились хвостатых. Пусть живут. Вот увидите, они нас не потревожат...

* * *

– Скажи, Дэглэн Дэги, как бы ты поступил, если б мы не вернулись сегодня? – спросил старец Гургули, когда сели за вечерний чай перед сном.

Тот засмеялся и ответил:

– Решил бы, что вы задержались. На охоте всякое бывает. То ли далеко подались, то ли удачно сложилась охота. На все время уходит.

– Это верно. Всякое бывает... – согласился старец. – А потом, когда нас нет и нет, какие меры предпринял бы?

– Потерял бы сон, это точно.

– А потом?

– С утренней зарей поехали бы на поиски по вашим следам.

- Вдвоем, что ли?
- Ну да, вдвоем... Не успокоился бы, пока не выяснил причину вашей задержки.
- Так и предполагал, Дэгэлэн Дэги, что ты потеряешь покой и засуетишься, – усмехнулся старец.
- Естественно, искали бы. По следам вашим поехали бы. Любой нормальный человек в такой ситуации потеряет покой, – ответил Дэгэлэн Дэги.
- А ты как думаешь, Гякичан? – Старик повернулся к младшему сыну.
- Хорошо, когда рядом с тобой есть верная собака, – отчеканил Гякичан, зная, что собака сама повела бы их по следам отца.
- Вы оба правильно рассуждаете. – Старец улыбнулся. – Хотите услышать мое слово?
- Говори, абага. Нам интересно, – воскликнул Дэгэлэн Дэги.
- Тогда старец продолжил:
- Самый добрый помощник и советчик человека, это его голова. Думающий человек скорее найдет выход и выживет. Усекли? – Парни заулыбались. Вновь заговорил старец Гургули: – Сегодня мы наткнулись на становище незнакомых людей. Самих, правда, не видали, но над чумами вился дым... Стало быть, они там...
- Они нас опередили, раньше нас сюда добрались. Так получается, абага? – спросил Дэгэлэн Дэги.
- Выходит, так.
- Так они постараются прогнать нас отсюда. Это еще полбеды. Могут расправиться с нами. – Дэгэлэн Дэги не на шутку встревожился.
- Тогда подскажи, как нам быть, Дэгэлэн Дэги? – Старец Гургули казался невозмутим. – Может быть, незаметно уйти?
- Это невозможно, ама, – подал голос Ичээни.
- А что ты предлагаешь, Ичээни?
- Нам лучше открыто поехать к этим людям, – сказал Ичээни.
- «И днем сын на этом стоял. Не меняет своего мнения. Это не слабость его, скорее сила», – подумал старец, но ничего не сказал. Вместо этого повернулся к Дэгэлэн Дэги.
- А ты что предлагаешь, Дэгэлэн Дэги?
- Я за то, чтобы сначала посмотреть, как поведут себя они.
- Это дельная мысль... А ты, Гякичан, почему молчишь?
- Я слушаю старших... – нашелся Гякичан.
- Отец улыбнулся. Ичээни одобрительно глянул на брата. Один Дэгэлэн Дэги засмеялся.
- Дети мои, драться с ними нам не следует. Нас мало. Они не уйдут по своей воле. А как быть? Нам бы найти с ними общий язык и охотиться вместе. Другого выхода не вижу, – уверенно молвил старец.
- Тогда поедем к ним на встречу, да? – быстро спросил Дэгэлэн Дэги.
- У тебя, Дэги, думающая голова. Да, поедем к ним.
- Все вместе? – Дэгэлэн Дэги хочется во всем определиться четко.
- Нет, поедем я и Ичээни. А вы вдвоем будете наблюдать. Мы зайдем к ним в чум. Коли не выходим наружу на своих ногах, стало быть, с нами плохо. А дальше пусть работают ваши головы. На рожон лезть не стоит. Вдвоем чего добьетесь? Только погибнете.
- А как нам быть тогда? – быстро спросил Дэгэлэн Дэги. – Вдруг с вами что случится?..
- О родных прежде всего подумаете, о детях... В случае чего, не мешкая, возвращайтесь к ним, к Гольцу Тонмэю...
- Спать легли поздно ночью.

* * *

...Когда старец Гургули с сыном Ичээном подъезжали к чумам, залаяли собаки. Верховые олени не заставили себя понукать, сами поспешили рысцой. Умные животные почуяли близкий отдых.

Но никто не вышел им навстречу. Это тревожный сигнал. Обычно ламуты, кто бы ни приехал к ним, рады гостям. А тут их встречает один собачий лай.

Спешились. Верховых оленей привязали к копыльям нарт. Ослабили поперечные ремни седел. Ружья оставили при седлах. Верхние меховые дохи скинули с себя и положили на нарты. Старец Гургули чуял, что за ними следят сквозь отверстия чумов. Он медленно пошел к большому чуму. Сын Ичээни последовал за ним. Открыв тяжелый меховой полог, шагнули внутрь. В нос ударил теплый воздух и знакомый дух вареного мяса.

Внутри чума полумрак. Никого толком не видя, старец Гургули, приветствуя хозяев, громко воскликнул:

– Яв укчэнэс, дюлкан бэйл?!⁷

Тут произошло то, чего никак не ожидали ни старец Гургули, ни тем более Ичээни.

– Эрэк як адун?!⁸ Он-ко муткичим торэм долдарам!⁹ – громко воскликнул кто-то. – Вы ламуты?!

– Угадали. Мы ламуты от Гольца Тонмэя, – ответил старец Гургули, толком никого не различая в полумраке.

– Нам приятно видеть вас. Раздевайтесь, будьте как у себя дома, – сказал им кто-то невидимый.

Глаза ламутов постепенно стали привыкать к полумраку. Чум оказался полон народу.

Тот, кто приветствовал ламутов, был довольно пожилым человеком возраста старца Гургули. Рядом расположились молодые ламуты. Моложавая ламутка копошилась у медного котла, в котором варилось мясо. Юная девушка, судя по всему ее дочь, соскребала мездру с высохшей оленьей шкуры.

Старик вынул изо рта трубку и, обтерев чубук о шерсть мягкой шкуры, протянул ее старцу Гургули со словами:

– Мы рады вам.

Старец Гургули молча принял из рук хозяина чума дымящуюся трубку, сунул в рот и коротко затянулся. Затем с достоинством вернул обратно. Прожив долгую жизнь, он знал толк в обычаях ламутов. Он понял главное: хозяин встречает их с миром, потому с легким сердцем принял протянутую трубку.

– Мы тоже ламуты. Недавно добрались сюда, – вновь заговорил хозяин.

– Хотелось бы узнать, откуда вы приехали? – тихо проговорил старец Гургули. Он знал в лицо почти всех окрестных ламутов. А эти ему показались незнакомыми. Явно издалика.

– Мы с Колымы...

– Издалика... – Старец понял, что неспроста пришельцы добрались сюда. Он полагал, что после его слов хозяин сам расскажет, почему подались в такую даль. Но тот ничего не пояснил. «Со временем все прояснится само собой, – подумал Гургули. – А с расспросами повременим».

– Сначала познакомимся. – Старик оглянулся на своих. – Вот перед вами моя семья. Куда я, туда и они. Все мои вместе со мной. Меня зовут Кагана. С такими словами, прижав правую ладонь к груди, он слегка склонил голову. Потом кивнул на крепко сбитого парня: – Это мой

⁷ Яв укчэнэс, дюлкан бэйл?! – Что расскажете, домочадцы?!

⁸ Эрэк як адун? – Это что за диво?

⁹ Он-ко муткичим торэм долдарам! – Я ведь слышу говор на нашем языке?

сын Гидани. У нас все держится на нем. – После этих слов чуть слышно пробормотал: – Дух земли, не обессуди за мои слова. Не думай, будто я хвалю сына. Пойми меня, старого человека, правильно.

Старец Гургули понял хозяина чума: просит прощения у Духа земли, чтобы тот не осудил за похвалу сыну. У ламутов в самом деле не принято при чужих возвышать родных и близких, особенно детей. Это у них не поощряется. По их разумению это может привести к порче или сглазу.

Старик Кагана понял, что гости правильно восприняли его слова. Он продолжил:

– Это мать моих детей Кулума, – хозяин чума тепло глянул на все еще моложавую ламутку. Потом широко улыбнулся, глядя на девушку: – Моя единственная дочь Айсач.

Старец Гургули каждому слову хозяина чума отвечал поклоном седой головы. Так он демонстрировал свое уважение ко всем домочадцам.

– А эти молодые ламуты мои родственники. Вот этого зовут Онаки. – Старец кивком головы указал на лохматого парня. – Рядом с ним его младший брат Нолима. Мои верные помощники... – Кагана улыбнулся.

Он выжидающе посмотрел на гостя. Старец Гургули понял его, тихонько кашлянул в кулак и молвил:

– Меня с рождения нарекли Гургули... – Он поглядел на сына. – Это мой сын Ичээни.

Хозяин кивнул, вновь набил трубку табаком. Зажженную лучинку, поданную ему дочерью Айсач, поднес к головке трубки и затянулся. Вновь, как в первый раз, старательно обтер чубук и протянул трубку Гургули со словами:

– Покури, отец Ичээни, не торопи себя. Кури в свое удовольствие.

Глаза старца Гургули заблестели. Его давно тянуло покурить, но его опередил предупредительный Кагана.

Поговорили о сокжоях. Старец Гургули рассказал, что сюда они добрались на днях и еще не добыли ни одного. Вчера и сегодня пытались найти сокжоев. Но пока похвалиться нечем. Кое-где обнаружили с десяток, но этого мало, не стали их тревожить. И тут наткнулись на незнакомые чумы.

Старец Гургули вынул свою трубку с мешочком. Плотно набил ее табаком. Ичээни поднес лучинку. Старец молча протянул дымящуюся трубку старику Кагане. Тот, улыбаясь, принял трубку из рук Гургули и затянулся.

– У тебя табак крепче, чем у меня. Где берешь? – спросил он.

– Заезжал как-то якут-купец. С ним поторговались.

– С якутами, стало быть, торгуете?

– Бывает. Не так часто, конечно, как хотелось бы.

– Мы с якутами не знаем. Что за люди? Можно ли с ними иметь дело? – спросил Кагана.

– Что сказать? Редко с ними видимся. Но якуты – большие торговцы. Торгуют многим. Достойные люди. Пока только это могу сказать, – ответил старец Гургули.

* * *

– Тебе не кажется, ака¹⁰, что становится прохладно? – Гякичан, поживаясь, повернулся к Дэгэлэн Дэги.

– Мне не холодно. Сидим неподвижно, вот и мерзнешь, – тихонько засмеялся Дэгэлэн Дэги.

– Что-то отец с братом задержались. Как зашли в чум, так и не выходят. Почему так? Как думаешь, ака?

¹⁰ Ака – старший брат.

– Мне и самому тревожно. Не нравится мне это.

– Это все Ичээни... Это он предложил идти к чужакам... – пробормотал Гякичан.

– Не осуждай брата. Ичээни прав. Прятаться не привык. Лучше сразу понять, кто они, враги или такие же охотники, как мы.

– Что происходит там, внутри чума? – переживал Дэгэлэн Дэги. – Старец нам что говорил? Ты помнишь, Гякичан? – Тот молча покачал головой. – Он сказал так: «Коли мы долго не выходим, возвращайтесь домой, к Гольцу Тонмэю». Разве ты забыл?

Гякичан продолжал пристально вглядываться в чумы.

– Ты чего молчишь, Гякичан? Нам лучше уехать отсюда, как сказал отец.

– Подождем еще немного, ака. Ведь ничего еще не ясно. Может, все нормально...

– Ты правильно говоришь, Гякичан. Пока ничего не понять. Если к врагам угодили, те долго не станут церемониться. Быстро расправятся и по следам найдут нас. Так что, ты прав, Гякичан. Вроде совсем малыш, а рассуждаешь мудрее, чем я... Подождем еще. Убежать всегда успеем.

– Я не убегу, – твердо говорит Гякичан.

– А про наставления отца забыл?..

Гякичан не ответил, только внимательно смотрел, не выйдут ли из чума отец и Ичээни.

* * *

Пока мужчины вели неторопливую беседу, женщина постелила оленью шкуру, на нее поставила продолговатый плоский стол, обтянутый рыбьей кожей. Быстро расставила кружки. Дочь аккуратно поставила посередине стола деревянный поднос с кусками вареного мяса. Мать налила в кружки чай. Дочь тут же на плоской жестяной тарелке подала аккуратно нарезанные лепешки.

От вареного мяса, только что вынутого из котла, валил пар, наполняя чум ароматным духом.

Старец Гургули глянул на сына. «Ну как ты, проголодался?» – будто спросили он. Сын не откликнулся. В это время юноша, следил за каждым движением девушки...

– Ну вот, познакомились, как нормальные люди. А теперь отведайте нашей еды. Чую проголодались, – проговорил хозяин.

Старец едва приметно плечом толкнул сына, мол, не отвлекайся, поешь, куда предлагают.

– Отец Айсач, и ты тоже поешь с гостями, – позвала хозяйка, и старик Кагана пододвинулся к столу.

Пока едят старшие, парни ждут. Таков древний обычай ламутов. Когда в чуме гости, то все внимание им. И еда, прежде всего, подается им, причем самые лакомые куски. Детям и парням предстоит отведать еду после. Для них хозяйка оставляет их долю.

Гости поели, Гургули сразу определил, что это мясо упитанного сокжоя. Мясо мягкое, в меру жирное, отменное на вкус.

– Как по-вашему, сокжой в этих местах есть? – спросил Гургули.

– В нескольких речных долинах, кажется, обосновались. Мы их заметили. Правда, изда-лека. Пока с охотой повременили, чтобы раньше времени не вспугнуть, – сказал Кагана.

Старец Гургули вынул трубку и, раскурив, протянул хозяину чума. Кагана, будто ждал этого момента, с готовностью принял трубку. Покурили.

– А что скажет старина Кагана, коли мы захотим поохотиться на сокжоя с вами вместе? – подал голос старец Гургули, обращая взор на Кагану.

Кагана мягко улыбнулся и сказал:

– Холнэдь бэй торэнни – гянул бини торудэнни¹¹. Дельную мысль говорите, старец. Совместная охота неоспоримо принесет нам всем удачу.

Обветренное смуглое лицо старца Гургули посветлело, он ответил:

– Хагды бэй торэнни – инэни нэринни...¹²

Кагана мгновенно уловил смысл сказанного, с улыбкой глянул на старца, словно увидел его впервые. Старец продолжил:

– Я доволен вашим ответом, почтенный отец детей...

Сошлись на том, чтобы охотиться вместе. Проводить гостей вышли сам Кагана и все домочадцы, подивились на верховых оленей горных ламутов. «Як-иси адун!¹³» – восклицали они.

Отцы семейств еще раз закурили. Трубку пустили по кругу.

Ичээни незаметно посматривал на девушку. Та, казалось, не обращала внимания на молодого ламута.

Гости, которых Кагана назвал горными ламутами, с десяток шагов прошли пешком, ведя за собой верховых оленей. Ичээни придержал оленя за недоуздок, а старец Гургули легко вскочил в седло и поехал вперед.

Верховой олень Ичээни тут же крутанулся, чтобы не отстать. Молодой ламут не сплеховал, на ходу легко вскочил ему на спину.

Он не заметил восхищенного взгляда девушки.

* * *

Старец Гургули с сыновьями Ичээни, Гякичиканом и смекалистым Дэгэлэн Дэги перебрались к стойбищу колымских ламутов.

Глава колымских ламутов Кагана присматривался к чуму и нартам новых знакомцев, когда те отправились на охоту.

Зайдя в свой чум, Кагана закурил и задумался о чем-то.

Покуда глава рода думал, остальные домочадцы притихли и ждали, пока отец сам заговорит. Хозяйка чума Кулума с дочерью разложили на плоском столе вареное мясо, лепешки и разлили по кружкам крепкий чай.

– Подвиньтесь ближе к столу, дети, – подала голос мать, ласково поглядывая на детей.

Парни пододвинулись к столу. Они недавно вернулись с охоты. С ними обычно ездил сам Кагана. Но на этот раз он остался дома. Ему последнее время нездоровится. Он побаивался, как бы не разболеться всерьез вдали от родного очага. Всякое может случиться. Болезнь не станет спрашивать. Свалит неожиданно.

Кагана глотнул чаю. Тихо заговорил:

– Мне показалось, наши новые соседи люди основательные. Их чум обтянут мягкими оленьими шкурами. Догадываюсь, что у них тепло. Нарты крепкие. Не сравнить с нашими.

– Ама, они же таежные ламуты. У них крепкого дерева, как на подбор, много... – Сын Гидани глянул на отца.

– Оно, конечно, так... Но я хочу сказать вот о чем. Это ребята умелые. Не всякий даже из крепкого дерева смастерит такие вещи.

– Ама, мы же всю жизнь по тундре кочуем, где деревья хилые... – вновь заговорил Гидани.

¹¹ Холнэдь бэй торэнни – гянул бини торудэнни. – «Слово гостя – основа мирной жизни» (ламутская пословица).

¹² Хагды бэй торэнни – инэни нэринни. – «Слово старшего – дневной свет» (ламутская пословица).

¹³ Як-иси адун – Что за диво!

– Это верно. Поймите меня правильно, и ты, Гидани, и ты, Онаки, и ты, Нолима. Я про вас ничего худого не говорю. Хочу просто сказать, что эти ламуты сильные, достойные люди... – И парни, и мать с дочерью улыбнулись. Стало быть, они одобряют слова отца. – Ичээни крепко стоит на ногах. Движения у него быстрые, видно, ловкий парень, – вновь заговорил Кагана. – Кто-нибудь мог бы с ним побороться? – Кагана глянул на сыновей. Старик прослыл любителем устраивать оленьи бои во время гона, а также подбивать парней на борьбу. Для этого объезжал своих родичей, затевая борьбу или бег наперегонки.

– Гидани может с ним бороться, – откликнулся Онаки.

– Ты же сильнее меня! – засмеялся Гидани.

– Ладно. Будет еще время для игр, – подытожил разговор Кагана.

* * *

Совместная охота на сокжоев укрепила доверие между ламутами. Добычу делили на две семьи.

Старец Гургули задумал туши сокжоев увезти на обновленные лабазы. Житейский опыт подсказывал ему, что скоро наступит пора собираться в обратную дорогу, а все добытые туши сокжоев зараз увезти не выйдет. Однажды вечером он сказал:

– Дети, часть добычи надо бы увезти на лабазы. Дэгэлэн Дэги, возьми-ка за это. В помощники бери Гякичана...

Кагана одобрил это решение.

– А у нас лабазов нет. В тундре нет хорошего леса, все добытое увозим с собой... – с сожалением сказал он.

– То-то у вас так много оленей, – одобрил Гургули хозяйственность Каганы.

– Правда, большая часть еще не объезжена. Приходится сразу запрягать в нарты... – улыбается Кагана. – Обратная дорога долгая. Уже все замело. Приходится заново прокладывать санный путь.

Гургули покачал головой. Он понял, колымским ламутам приходится труднее, чем им, живущим под сенью Гольца Тонмэя.

* * *

Ичээни, кажется, сам не замечает, как поневоле любит юной ламуткой Айсач. Его поразила красота девушки. Она и хозяйка прекрасная. То с матерью готовит еду, то занята выделкой шкур или камусов, то шьет одежду. Парень ловил себя на мысли, что не встречал еще девушки, похожей на Айсач.

По утрам, когда пригоняют домашних оленей, Айсач, опережая мать, уже подманивала к себе дойных важенок и начинала дойку. В это время у важенок мало молока. Зато дойных важенок больше десяти...

...Охота на сокжоев удалась. Ламуты обоих родов состязались между собой в сноровке.

Старина Кагана за вечерним чаем с удовольствием говорил добрые слова о сыновьях старца Гургули. Восхищался их ловкостью и силой.

– Вроде и вы без дела не сидите, – говорил он сыновьям. – Каждый из вас старается не ударить лицом в грязь. Но до наших молодых гостей вам надо бы подтянуться. Я вас не укоряю. Тут, однако, есть доля и моей личной вины за то, что не подгонял вас как следует. Присматривайтесь к этому Ичээни. Как достойно себя ведет. Вот кто настоящий ламут.

Гидани тяжело сопел. Ему неприятны эти укоры. Но как не послушать отца? И оспаривать не может. Спорить с отцом не положено. Онаки молча поглядывал на брата Нолима.

Правда в том, что не только старина Кагана замечал достоинства Ичээни. И Гидани, и Онаки, и Нолима признали превосходство Ичээни. С одной стороны, им было досадно, а с другой – отдавали должное скромности Ичээни. Кажется, что он ничуть не старается показать свою сноровку и ловкость. У него все получается просто. Как и глава семьи старина Кагана, они признавали, что перед ними истинный ламут.

* * *

Ичээни в перерывах в охоте на сокжоев времени даром не терял. Изловчился ставить насты на песцов. Всякий раз без добычи не возвращался. Отец улыбался, когда сын подвешивал для «оттайки» на поперечных шестах свою добычу. На этих шестах обычно сушили одежду. В теплом чуме замерзшая добыча оттаивала быстро. Иногда он приносил по два-три песца. Дэгэлэн Дэги становился говорливее, чем обычно. У Гякичана тоже поднималось настроение. У старца Гургули глаза заметно теплели. Гякичану тоже хочется поохотиться на песца. Но отец говорил: «Коли все погонимся за песцами, то как нам быть с сокжями? Нам скоро предстоит обратная дорога. Долго добираться будем до Гольца Тонмэя. Небось все замело снегом. И дорогу кому-то придется прокладывать, и лабазы по пути ремонтировать. Пускай Ичээни один занимается ловлей песцов. Ему сподручнее. Много времени не теряет, все делает как старый удачливый охотник...» Все понимали слова старца. Парням по душе было умение старца не навязывать им свою волю, а словно советоваться с ними.

...Однажды Ичээни, по обыкновению, возвращался, объехав близко расставленные насты. Воздух постепенно густел. Это верный признак того, что подбираются вечерние сумерки. Но еще было светло. Впереди появилась гряда белоснежных сопков. Между ними заметны речки, иногда узкие, чаще пошире. Только издали, на расстоянии, сопки кажутся сплошной грядой.

Ичээни эти сопки знакомы. Охотники поднимаются на них, высматривая сокжоев.

За сопками, там, где карликовые кустарники, пасутся домашние олени... До чумов отсюда еще далеко.

Ичээни остановил верхового оленя и спрыгнул на снег. На макушке средней сопки он увидел человека. «Кто это? Может, это Гякичан? Или непоседа Дэгэлэн Дэги? Но, если это они, то почему без учага (верхового оленя)? Или это кто-то из сыновей старины Каганы поднялся на сопку?» Но Ичээни знает, что утром парни поехали по следам сокжоев...

Пока он гадал, человек покатился вниз на широких охотничьих лыжах.

Молодой охотник быстро вскочил в седло. Проехав немного, он наткнулся на косяк молодых оленей старины Каганы... А где остальные олени? Почему эти оказались тут?

Олени остановились, когда на их пути оказался Ичээни верхом на олене. Очевидно, эти молодые олени почуяли дух сокжоев, и, ведомые зовом предков, потянулись к ним...

Ичээни пронзительно свистнул, и олени, покрутив заиндевелыми мордами, повернули назад. Не давая им опомниться, охотник погнался за ними.

Впереди олени вдруг шарахнулись и, сгрудившись, остановились. Нежданно раздался голос Айсач:

– Надумали сбежать?!

Вскоре появилась и она сама. На охотничьих лыжах она обошла оленей и подкатилась к Ичээни.

– Как ты здесь оказался? Ума не приложу! – улыбаясь, заговорила она. Разгоряченная, она была еще красивее.

– А ты сама как очутилась тут, Айсач?

– Братья еще не вернулись. А я поехала наведаться к оленям, вижу: часть оленей потянулась в сторону моря. Смекнула, что молодые олени учуяли дух сокжоев и дали тягу. Поднялась

на сопку и оттуда увидела их. Съехала вниз... Хорошо, что ты оказался на пути этих беглецов! Ты спас всех нас, Ичээни... Какой же ты молодец!.. – говорила Айсач.

– Погоним их домой! – откликнулся Ичээни, стараясь не поддаваться чарующему голосу девушки.

– Да, ты прав, Ичээни...

– Ты, Айсач, поезжай на моем учаге, а я встану на твои лыжи. Так будет легче и быстрее. Так они и поехали. Айсач подгоняла оленей. Ичээни не отставал...

На привале Айсач сказала печально:

– Знаешь, Ичээни, отец мой в последнее время болеет. Пока лежит снег, мы, видно, отправимся обратно на Колыму. Не знаю, выдержит ли отец дальнюю дорогу...

– Мне думается, дедушка выдюжит. Он еще крепкий.

– При вас он бодрится. А, оставшись один, все больше лежит. Сейчас за меня, наверно, переживает. Пока за этими гналась, не заметила даже, как день проходит. Поспешим, Ичээни...

Беглецы-олени копытили снег.

Ичээни пронзительно свистнул. Олени сбились в кучу и потянулись к чумам. Хотя до них еще не близко, олени чувствуют их теплый зов...

* * *

Узнав, что Гидани часть добычи собрался отвезти до перевала. Ичээни решил поделиться с отцом своими мыслями.

– Ама, как ты думаешь, если я поеду с Гидани?

– На охоту? – спросил отец.

– Нет. Гидани надумал отвезти часть добычи к перевалу. Я помогу ему.

– А что? Хорошая идея. Ламут ламуту всегда помогает. Сегодня ты ему подсобишь, а завтра – он тебе. На том стоим, ради этого живем. – Старец Гургули тепло глянул на сына.

У Ичээни четверо нарт, крепких, широких. На каждые положил по четыре туши и крепко затянул кожаными ремнями. Упряжные олени рослые, с широкими торсами.

Вся семья старины Каганы провожала молодых охотников. Судя по их оживленным лицам, им по сердцу Ичээни. Юная Айсач не отрывала от него своих лучистых глаз...

У соседней олени темной масти, но невысокие. Они другой породы.

Первым выехал Ичээни. Его передовой олень, серой масти крупный вожак, с ходу пошел резво и размашисто.

...Ехали споро. Ичээни останавливал упряжку, чтобы дать оленям отдохнуть и остудить разгоряченные легкие горсткой свежего снега.

Гидани рассказывал о тех местах, где они проезжали.

– У тебя сильные олени, Ичээни, – добродушно улыбается Гидани.

Поехали дальше. Ехали долго. Наконец добрались до перевала и остановились.

– Здесь разгрузимся. Туши зароем в снег и поедим обратно, – уверенно говорит Гидани.

– А, по-моему, лучше бы, пока светло, перевалить через перевал.

– День-то проходит. Скоро смеркаться начнет, – сомневается Гидани.

– Минуем перевал... Потом и вам легче будет, когда поедете обратно всей семьей, – говорит Ичээни.

– Все замело. Сумеем ли проехать? – Гидани с опаской поглядел на ровный склон перевала.

– А потом как проедете? Вам же в любом случае не миновать этого перевала. Так ведь?

– Здесь, у подножия, чумы поставим и по частям станем перетаскивать поклажу и туши сокжоев на ту сторону.

– Много времени потеряете. Поступим так. Мы сейчас перевалим через эту сопку. Ты шибко не отставай. А что нам сумерки, да и ночь, когда обратно двинем налегке?

Бодрый голос Ичээни воодушевил Гидани. «Какой он уверенный! Сколько силы в нем...» – думает он.

Олень-вожак медленно, но уверенно стал подниматься по склону, с трудом преодолевая снежные заносы. Олень чутко улавливал по вожжам каждое движение хозяина, потому шел наискосок налево, потом постепенно вправо. Время от времени Ичээни останавливал караван, чтобы олени отдышались. Наконец поднялись на перевал. В лицо снежным зарядом ударил хлесткий ветер. Гидани далеко отстал. По свежей тропе его олени с трудом тянули нагруженные нарты.

Пока он поднимался, Ичээни, оставив караван, по снегу пошел вниз, намечая, как будет спускаться с нартами...

* * *

Над затаившейся снежной тундрой воцарилась лунная ночь. На темном небе светились бесчисленные звезды. Ночная тундра замерла. Окрестные сопки во тьме казались выше и сумрачнее. Все живое, будто околдованное силой звездной ночи, затаилось.

В чумах ламутов, несмотря на позднее время, никто не спал. Все прислушивались к ночи, не подъезжают ли парни. Но более всего надеялись на собак. Коли они молчат, стало быть, никто не подъезжает.

По подсчетам Онаки, до перевала не так далеко. Гидани с Ичээни что-то запаздывают. Может, нарты поломались. Мало ли что случится в тундре, которой не видно ни конца ни края.

Кагана лежит, тихо постанывая. Домочадцы тревожно поглядывают друг на друга, переживают. Обычно старик не обращал внимания на недомогания, все переносил на ногах. Впереди ждет долгий путь обратно на Колыму. Выдюжит ли? И парни почему-то не возвращаются...

И тут собаки залаяли. Ламуты обрадовались. Нолима не выдержал, выскочил наружу.

– Едут... Слышу скрип нарт! – воскликнул он.

Все облегченно вздохнули.

...Гидани первым делом напился чаю. Только после этого взялся за вареное мясо. Пока он утолял голод, все ждали, пока он заговорит.

Наконец Гидани отодвинул кружку. Айсач убрала плоский стол.

– Такого ламута, как Ичээни, я в жизни не встречал, – сказал Гидани. – По сравнению с ним я слаб, как ребенок. Он прошел перевал и там сложил туши сокжоев, да и остальные вещи. Невероятно, но это так. У него волшебные олени...

* * *

Утром в чум старца Гургули вошел Гидани и, глядя на старца, сказал:

– Амму эриддэн¹⁴.

И тут же повернулся и вышел. Старец Гургули всех окинул взглядом, словно спрашивая, что могло случиться со стариком Кагана, коли отправил за ним сына?

– Иди, ама, – тихо молвил Ичээни.

Старец Гургули удивился, застав в чуме лежащего Кагана и его супругу Кулуму одних.

– Парни в другом чуме, – сказала женщина, поняв молчаливый вопрос старца.

¹⁴ Отец зовет.

– Какие сны снятся, друг Кагана? – спросил старец Гургули.

– Кажется, заболел, – едва слышно пробормотал Кагана. – Да еще долги прибавляются. Не смог вовремя ясак платить. Последние три года исчезли песцы и лисы. И соболь тоже давно не замечен в наших краях. Услышал, что за мной едут какие-то люди с оружием. Мы и подались в бега. Тундра обширна, не так-то просто меня поймать. Кое-какую живность тут приобрели. Мне надо вернуться и разобраться с ясаком. Хочу очиститься. Да вот вскрылась давняя болезнь. Доеду ли живым до родных мест, не знаю. Этого и боюсь больше всего. Пока живой, хочу расплатиться с долгами. Говорю про ясак. Других долгов ни перед кем у меня нет. Попросил тебя заглянуть ко мне, чтоб попрощаться. Мало ли что...

– Сильно не печалься, отец Гидани. Доедешь, куда нужно, – нарочито бодро отозвался старец Гургули.

– Я благодарю судьбу за то, что она дала возможность встретиться с тобой и с твоими детьми... Самое время нам расстаться друзьями, – сказал Кагана.

Они неплохо поохотились. Ичээни добыл много песцов. Надо знать, когда остановиться. Ламуты не любят жадничать. Стараются брать столько, сколько необходимо. Остальное пускай живет.

– Благодарю тебя, отец Ичээни, за отзывчивость, – еле слышно шепчет Кагана.

– Как же ты поедешь больной? – забеспокоился Гургули.

– Дети позаботятся. И Айсач с матерью рядом. Не беспокойся за меня.

Старец Гургули помолчал. Наконец произнес:

– Я отправлю с вами Ичээни. Он поможет вам добраться до родных мест и вернется обратно. Я за него спокоен. Не подведет парень.

Кагана приподнялся на локтях, глаза его блеснули радостью.

– Ты поступил, как истинный ламут, отец Ичээни. Я никогда не забуду твою доброту.

* * *

А у колымских ламутов в самом деле положение осложнилось. Заболел глава рода. До распутицы колымские сородичи должны вернуться к своим стойбищам у Колымы-реки. Тяжело им будет с больным добираться до родных мест. Дорога дальняя. Впереди пурга, снежные заносы, наледи, волки. Отец Ичээни предложил заболевшему колымскому сородичу помощь сына. Как-никак дорога далекая. Те с благодарностью приняли предложение старца Гургули. Сын потом сам найдет путь, ведущий к родному очагу.

Стоит тут поведать, как совпали желания отца и сына. У колымского ламута была красавица дочь. Ичээни про себя терзался сильно из-за того, что девушка из далекой Колымы овладела его сердцем. А бедный юноша без согласия отца девушки ни на что не мог надеяться.

Сам старец, отец Ичээни, тоже положил глаз на девушку. Вот кто могла бы стать хозяйкой семейного очага у его сына Ичээни. Он был впечатлен легкостью и ловкостью девушки в ведении кочевого хозяйства. Все умела Айсач: варила еду быстро и вкусно, легко управлялась с упряжными оленями, не уступала своим братьям в лове оленей маутом-арканом, хорошо ходила на лыжах и на охоте была удачлива. Чем не пара для Ичээни? Старик надумал по возможности послать свата к дальнему сородичу на Колыму. А пока посылал сына помочь довести больного отца семейства до устья Колымы. Мудрый ламут от Гольца Тонмэя сам нашел удачный предлог для сватовства сына. Он поступил просто: отправил сына на смотрины, пусть увидят его в деле. Коли придется по сердцу, то сами поймут потаенные его мысли и сами решат отдать за него дочь...

* * *

Старец Гургули за вечерней трапезой повернулся к Ичээни и проговорил:

– Прав ли я или не прав – не знаю. За тебя решил, Ичээни, не посоветовавшись... Не обижайся.

– Ты мой отец. Как скажешь, так тому быть, – ответил Ичээни.

– Это верно. Но все же, по совести, надо бы сначала с тобой посоветоваться. Правда, тебя не случилось рядом... Вот и пришлось решить за тебя.

– Ты о чем говоришь, ама? – насторожился Ичээни.

– Старина Кагана сильно захворал. Торопится обратно на Колыму, пока есть санный путь. Но он сильно болен. Вот я и решил, чтобы ты помог им добраться до Колымы.

– Мне ехать с ними?! – заволновался Ичээни.

– Без тебя им будет трудно. Очень трудно и, как мне показалось, даже опасно. Поезжай с ними, Ичээни. Подсоби им, как можешь, – отец говорил негромко, будто сам с собой.

– Поеду, раз ты так решил, ама, – проговорил Ичээни. В эти мгновения перед его взором возник таинственный и чудный облик Айсач.

– Как мне кажется, сын мой, это знак родовой судьбы. Такое не каждому выпадает. Остальное от тебя самого зависит.

– Каждое твое слово, ама, для меня как дар судьбы. Песцовые шкуры заberi, ама. Они пригодятся.

Старец Гургули промолчал. Вынул трубку, набил табаком и закурил.

– Слушай, Ичэнни, – заговорил он. – Шкурки бери с собой. Тебе они больше пригодятся, – старец вспомнил слова старика Каганы о неуплате ясака. Затем добавил: – То, что ты удачно поохотился на песца, это тоже знак судьбы. Не пытайся от него ускользнуть. Доверься ему... Кто знает, что ждет впереди? В жизни всякое бывает, лишь бы не упустить главное...

Глава вторая. Поединок

*Ламут при любых обстоятельствах
хладнокровен и отважен.
Отличается редким благородством
и отходчивостью.
Мнительность и мстительность
не в его характере.*

Андрей Кривошапкин

Абага знал себе цену. Не хотел уходить со своих таежных владений. Здесь ему все знакомо: каждый стланик, каждый родник в тени каменных глыб и густых зарослей, где богато растут лакомые каменки – ногли.

Зверь вольготно чувствовал себя здесь. Он был владыкой окрестностей Гольца Тонмэя. Многие собратья-медведи пытались силой отнять у него заповедные леса и густые стланиковые рощи. Часто завязывались между хищными зверями смертельные схватки за право быть полноправным владыкой тайги. Абага-медведь, от рождения крупный и сильный, не встречал себе равных. Всех соперников трепал, как хотел. Так жил вольготно и сытно, пока на его пути не повстречался отчаянный охотник. В таежном мире ничто просто так не случается. Все свыше пробуется на прочность. Тот, кто выдержит испытание, живет дальше, оставаясь хозяином таежной глухомани. Многого решает случай. Не промчись тогда мимо медведя раненый, истекающий кровью сокжой, ничего страшного не произошло бы. А тут абага-медведь не сплывал. Легко настиг раненого сокжоя, свалил его одним ударом когтистой лапы и принялся лакомиться свежатиной. Между тем охотник настигал подранка, выслеживая по каплям крови. Это его добыча, поэтому он упорно шел по следам сокжоя, зная, что тот от него не уйдет. В полумрачном чуме его ждут с нетерпением голодные дети. Давненько не выпадало такой удачи, как сокжой. Правда, не уложил с первого выстрела. Раненый, истекая кровью, ушел... Но он его не упустит. Все равно настигнет.

Абага-медведь – ненасытный зверь. Вкусив свежую кровь и упитанную оленину, никому добычу уже не уступит. Зверь издали почуял охотника. Зло рыча, затаился. Охотник же, всегда предусмотрительный и зоркий, лишь на секунду расслабился, хищный зверь внезапно навалился на него сзади и одним ударом раздробил череп. Так погиб отец молодого ламута Ичээни.

Растерзанного охотника сыновья нашли на другой день...

Гякичан, средний сын старца Гургули, не задерживаясь, собрался в дальний путь за старшим братом Ичээни. Повел в поводу восемь рослых верховых оленей. Или настолько торопился, или по умыслу, но с собой не взял ничего. Разве только охотничий нож виден на правом боку.

Покойный отец, будто чуял свою скорую трагическую кончину, потому говорил сыновьям: «Если со мной что-либо случится, немедленно спешите за старшим братом».

Часто меняя верховых оленей, Гякичан ехал дни и ночи напролет, забыв про сон и отдых, пока не добрался до жилища Ичээни.

Тот сердцем почуял беду, едва глянув на изможденное лицо Гякичана. Велел тому поспать, а сам стал собираться в дорогу.

Трагическая гибель отца перевернула душу Ичээни. Он поклялся непременно найти хищника и отомстить.

* * *

Вернувшись к своим родичам, Ичээни незамедлительно принялся искать встречи с абага, виновником гибели отца. Медведя таежные ламуты боготворят, потому уважительно называют «абага», или «дедушка».

Ичээни отмахнулся от слова «абага», решив про себя: зверь есть зверь, никакой он для него не дедушка, а «кяга», то есть злой шатун. Сородичи поражались смелости молодого охотника. Теперь, после гибели старца Гургули, Ичээни стал главой рода. Ламуты приняли молодого вожака.

Абага-медведь по натуре хитер, равного ему вряд ли найти среди остальных обитателей тайги. Он быстро учуял появление опасного соперника и старательно избегал встречи с охотником. Но по всему было видно, что владыка тайги принял дерзкий вызов. Хотел напасть наверняка, ждал удобного случая. Он был терпелив. Нутром чуя двуногого, торопить события не спешил. Знал, что рано или поздно двуногий дрогнет и выдаст себя. А сам-то, таежный владыка, возьмет свое... Не ошибется.

Как-то Ичээни приснился сон. Будто в его сярму-чум медленно заходит бледный седой дед. Ичээни видит его впервые. Но ему чудится, будто когда-то он видел этого деда. Дед сначала молчал, затем тихо проговорил: «Ты пока молод, Ичээни, потому безрассуден. Проживешь под солнцем долго. Покинешь этот мир своей смертью. До этого еще далеко. Так произойдет, если послушаешь меня и последуешь моим заветам. Знаю, ты за отца жаждешь отмщения. Вот и ходишь по следам абага. Он мирный, коли его не дразнить. Для меня он как сын... Ты убьешь его, коли догонишь. Но тогда кара настигнет всех ламутов. Когда же отстанешь от него, век свой на земле проживешь достойно. Выбери одно из двух...».

Сказав так, медленно стал отдаляться и исчез, будто улетучился. Ичээни тут же проснулся. Лежа на мягкой оленьей шкуре, вспоминал увиденный сон.

Тут Айсач, спавшая рядом, потянулась и зевнула, просыпаясь. Ичээни рассказал жене свой сон. Айсач задумалась над разгадкой необычного сна. Самому Ичээни сон показался явью.

Но вот жена тихонько поднялась, потянулась к очагу. Развела огонь. У каждой женщины-ламутки всегда под рукой заготовлены кусочки засохшего жира или копченого мяса для одаривания Духа огня в очаге. Айсач покопалась в чонгале¹⁵, вынула небольшой кусок иссохшего оленьего жира и одарила им трепетно извивающееся пламя. То встрепенулось, словно радуясь дару. Айсач зашептала. Ичээни наблюдал за ней.

Наконец Айсач легла рядом, прильнула жарким телом к Ичээни и зашептала ему в ухо: «К тебе приходил сам Дух Гольца Тонмэя, Ичээни. Он предостерег тебя от опрометчивых шагов и велел подумать...»

* * *

Ичээни всегда знал, что лучшего места, чем Голец Тонмэй нет нигде на свете. Пока высятся рядом этот могучий Голец, ничего страшного с кочевыми ламутами не случится.

Голец Тонмэй в зимнее время защищает их от снежных метелей и нещадных ураганов. Все удары он принимает на себя. Правда, в нем всегда таится опасность неожиданных, всеокрушающих снежных лавин, сметающих на пути все живое и неживое. Ламуты наперечет знали опасные снежные склоны, потому обходили их стороной.

¹⁵ Чонгал – место расположения посуды и всякой утвари хозяйки чума.

К тому же Гольц Тонмэй не одинокая скальная вершина. Собою он представляет нескончаемую горную гряду, у подножия которой, словно подпирая основание Гольца Тонмэя, поднимается цепь синих сопок, манящих к себе все живое. Здесь много ягельных мест и леса. Стада диких сокожов давно облюбовали эти дебри, они часто выходят сюда со стороны моря и остаются надолго.

У Гольца Тонмэя бесчисленное множество распадков, ущелий и горных речек. Это безмолвное белое царство на сотни километров тянется на восток. Зимой на вершинах утесов висят облака, ниже стелются по склонам белые кружева туманов, стекают вниз сверкающие панцири утрамбованных снегов.

Казалось, сам Дух земли создал это чудо для ламутов, издревле облюбовавших эти чудные места. Гольц Тонмэй стал для них священным покровителем.

Сам Ичээни, после женитьбы на ламутке дивной красоты из дальнего рода, не знал покоя от гнетущей тоски по Гольцу Тонмэю. Даже Айсач своей жаркой любовью не успокоила его мятущуюся душу. Видно, дух отца позвал его к себе.

Ичээни – сильный молодой ламут. Рано или поздно он все равно вернулся бы к родному стойбищу. Трагическая гибель отца лишь ускорила его возвращение. Ведь своим умением, всем, что было в нем нужного для кочевой жизни, своим охотничьим даром он обязан ему. Старец Гургули выпестовал из него умелого ламута, ставшего удачливым охотником – надеждой и заступником не только для родни и соседей, но и для тех, кто примкнул к ним, ища спасения от напастей и голода. Неслучайно он поклялся найти того кяга-шатуна, по-разбойничьи напавшего на отца, и отомстить во что бы то ни стало. Ичээни был убежден в том, что зло не должно возвышаться над миром. Его нужно искоренять из жизни.

Он обязан со злым кяга встретиться в открытой схватке. Он – не зверь дикий, чтобы нападать вероломно. Найдет того кяга и накажет. Крепок дух Ичээни, ни на миг не допускает мысли, что таежный владыка окажется хитрее и сильнее его. Он верил, что сам Гольц Тонмэй на его стороне... Его Дух поможет ему отомстить за отца...

* * *

После той ночи, когда ему приснился сон, прошло несколько дней.

Однажды на исходе дня он спускался вниз по крутому склону и заметил медвежьи следы, терпящиеся в ягельниках. Охотник был осторожен, тихо ступал, надеясь первым обнаружить зверя. А как вести себя дальше, знает только он сам. Старался двигаться незаметно, держась в тени стлаников, каменных валунов и деревьев.

Кяга, зверь изворотливый, хитрый, опасный. Возможно, из густого стланика уже и сам следит за ним. Это не пугало охотника. Коли так, пускай нападает, быстрее встретятся лицом к лицу. Лишь бы исподтишка не кинулся сзади. Ичээни напрягал слух, прислушиваясь к любому шороху. Он уже понял, медведь учуял его, зверь знает, что его упрямо преследует человек. Медведь любит эти ягодные места, здесь и спелые орехи на густых стланиках. Но торопливо уходит от любимых лакомств, чуя идущего следом охотника. Страх от неведомой и невидимой силы человека ледяным холодом проникал в его душу. Зверь уходил, он избегал встречи с тем, кто упорно шел за ним по пятам...

Словно подтверждая свое превосходство над таежным хищником, на след зверя вышел молодой охотник... Его сила и опора – это зоркие глаза и храброе сердце.

«На сегодня хватит. Ясно одно: он где-то тут недалеко. Завтра продолжу поиск. Лишь бы мне самому первым увидеть его, а там видно будет, как вести себя...» – подумал Ичээни.

Небо хмурилось. Далеко на западе появились темные облака. Вечернее солнце клонилось к закату за основным хребтом Гольца Тонмэя. Ичээни решил возвращаться домой. Тут до его слуха донесся свист. Сделав несколько шагов, он оказался на краю глубокого каменного

ущелья. Вдруг он увидел оранжевую грудь чамака-тарбагана¹⁶. Видно, это вожак семейства, почуяв опасность, свистом подал сигнал тревоги остальным.

Но кого опасается вожак-чамак? Ичээни почуял он или, быть может, шевеление уямкана или кабарги, любящих отлеживаться в тени, и теперь спускавшихся вниз на водопой? Может быть, это сам кяга бродит где-то тут рядом и злым взглядом всматривается в охотника?.. Все возможно в таежном мире.

Ичээни стал спускаться вниз, переступая с камня на камень. Любой спуск таит неожиданные опасности, можно отступиться и, поскользнувшись, упасть... Только бы не сломать ноги или спину... Ичээни помнит наставления покойного отца быть всегда внимательным и предусмотрительным в горах. Там ты один на один с таинственным миром, помощи неоткуда ждать. Остается полагаться только на самого себя. В тайге, особенно в горах, слабому ламуту нет места. Ичээни улыбнулся: «Надо же, как все верно...» Скорее вниз, а там ждет не дождется его верховой олень. Утром, у ягельного подножия на длинном поводу привязал его к деревцу. Завтра продолжит преследование кяга-медведя. А теперь – домой, где его ждет Айсач. У нее всегда наготове горячий чай с оленьим молоком. Вспомнив о чае Айсач, Ичээни почувствовал такую жажду, будто все у него внутри иссохло...

* * *

Всю ночь шел дождь. Громовые раскаты сотрясали темный небосвод над стойбищем перепуганных ламутов. Казалось, молния вот-вот ударит и опрокинет их в бездну. Эти дети природы бессильны перед необузданной стихией. С головой закутавшись в мягкие куучу¹⁷, молили Гольца Тонмэя, о спасении от неминуемой гибели, от удара молнии. Смятение царило в их обеспокоенных робких душах. Постепенно гром стал удаляться и теперь сотрясал небо над самим Гольцом Тонмэем, звуча в его темных каменных стенах долгим глухим эхом. Ламуты облегченно вздохнули. Они верили, что это Дух Гольца Тонмэя отвел от них беду...

«Голоц Тонмэй заслонил собой и спас нас. Как бы мы жили без родного священного Гольца?.. Все бы погибли однако», – молча вздыхали бедные ламуты. Никто не проронил ни слова, но все думали одинаково. Женщины раздували тлеющие угли в очагах. Вспыхнувшие искорки, набирая силу, облачались в золотое одеяние. Обрадованные ламутки подкладывали хворост. Очаги, набирая силу, просыпались в жилищах. Безмятежный мир и радость наполняли чумы.

Молодые ламуты в такие грозные ночи полностью теряют интерес к жизни и утрачивают извечную страсть к женщине. В такие ночи, по древнему обычаю, близость с женщиной обернется непрременной карой. Это сильно действует на молодых, заставляя забыть о том, что они мужчины. Зато, как только наступают теплые солнечные дни и ночи, молодые азартно навстречивают упущенное. Все их нутро превращается в кипящий, неуправляемый, ненасытный символ неувядающей любви. Жизнь в согласии с матерью-природой позволяет им дать потомство. Сколько их потом выживет, от них самих уже почти не зависит.

Замкнутая жизнь ламутов всегда таила в себе множество трудностей и порою непреодолимых преград, граничащих со смертельными опасностями. Отсутствие связей с внешним миром, жизнь в кругообороте вечного кочевья приводили к тому, что при болезнях и несчастных случаях помощи ждать было неоткуда. Рацион питания, устоявшийся в жизни многих поколений, давно стал традиционным. Быть может, в этом и была их главная в жизни отрада и защита.

¹⁶ Чамак-тарбаган – темноголовый сурик.

¹⁷ Куучу – спальные мешки.

Ламуты – предприимчивые люди. Благодаря этому выживают при любых стихийных бедствиях. Этому способствует их удивительная живучесть. Найдут выход из любой, казалось бы, безвыходной ситуации. Они умеют готовить разную еду из мяса диких зверей. Сушат, варят, жарят. Не знают, когда снова выпадет охотничья удача, потому питаются экономно. В горных реках ловят хариуса. В основном живут на оленьем молоке. Для них это божий дар. Чай без оленьего молока не чай, потому пуще глаз берегут дойных важенок. Готовят из молока разные блюда. Когда жаркое солнце не торопясь качнется в сторону ранней осени, у ламутов жизнь меняется в лучшую сторону. Эта долгожданная для них пора. Правда, она недолго длится, в течение одного лишь августа. В это время комары уже не беспокоят. Олени на сочном разнотравье и на обильном ягеле быстро нагуливают «товарный» вид. У важенок прибавляется молоко. Только успевай их надаивать. Молоко, которое надоили, наливают в специально отведенную посуду и ставят в тени. Оно быстро остывает. После этого в остывшее молоко опускают сушенный пищевод снежного уянкана (барана). Вскоре молоко густеет. Вся семья садится в круг. Мать наливает в деревянные кружки готовое блюдо и дает каждому его долю. Это бесподобное по вкусовым качествам блюдо. Оно помогает поправить здоровье кочевым людям. Ламуты знают толк в этой еде, потому потребляют в меру. Излишество незамедлительно вредит.

По утрам таежные ламуты лакомятся сбивным молоком, которое называется керчях. Это блюдо готовится из остывшего молока. Оно и по составу, и по вкусу, как сливки.

Особым спросом среди ламутов пользуется кипяченое молоко. При кипячении молоко густеет, как каша. Вкус бесподобный. Стоит съесть немного, и у любого ламута прибавляется мужская сила. Кипяченое молоко используется ламутами и как целебное средство. Благодаря отменным питательным качествам оно помогало ламутам выжить в самые голодные годы. Так было на протяжении жизни многих поколений.

Чай и табак, железные топоры и ножи, лопаты, кайло, ружейные припасы: порох, дробь, свинец – самые желанные вещи в жизни ламутов. С трудом приобретая их, торгуясь с якутскими купцами, ничего не жалели, отдавая последнее.

И еще у кочевых ламутов был неиссякаемый мир напевной эвенской речи. И младенцы, и дети-карапузы, и молодежь, и старшие чувствовали себя людьми благодаря родному языку – этому непреходящему святому духовному богатству. Они жили в своем замкнутом мире и были счастливы. И главное, что объединяло их, – родной всеильный ламутский язык.

* * *

Новый день ошеломил ламутов сюрпризом. Яркие солнечные брызги золотым отливом осветили склоны и пики Гольца Тонмэя. На голубом небе ни облачка. Только на листьях тальников и берез блестели крупные дождевые капли. За ними хвойный лес, словно умывшись, сверкал ослепительной изумрудной зеленью.

Ламуты вышли из жилищ, радуясь яркому солнцу, зеленому лесу, помолодевшим тальникам и березовым рощам.

Выйдя из сярму, Ичээни зажмурился, потянулся всем телом, глянул на золотистый пик Гольца Тонмэя и по-детски широко улыбнулся. На фоне чистого неба Голец выглядел свежо и красиво. Под лучами солнца видны каменные бугры, ягельные склоны белели чистотой, нескончаемые распадки игриво побежали вниз.

Ичээни вздохнул полной грудью и низко поклонился Гольцу Тонмэю. И все сородичи по его примеру поклонились.

Ичээни вдруг почувствовал, что кто-то копошится рядом с ним. Оглянулся, счастливая улыбка осветила его загорелое лицо. Оказалось, это его десятилетний сын Тонмэй, подрывая ему, тоже кланяется Гольцу. «Пускай. На пользу пойдет ему это. Пусть привыкает к почитанию Гольца Тонмэя», – подумал Ичээни.

* * *

– Кто чем намерен сегодня заняться? – Ичээни обвел взглядом братьев и остальных сородичей.

– За оленями с детьми присмотрим... – негромко отозвался Этиркит, тихий и спокойный молодой человек. В семье в свое время он родился вторым сыном у главы ламутского рода. Он моложе Ичээни на два года.

Ичээни поглядел на стада оленей. Те, жуя жвачку, безмятежно лежали на явтাকে¹⁸. По широкому лицу Ичээни скользнула улыбка и тут же исчезла. Значит, он одобряет желание Этиркита.

– А ты чем займешься, Гякичан?

– Торлэ бадудим-гу, он-гу¹⁹... – отозвался младший брат и бросил взгляд в сторону Гольца Тонмэя.

– Дельно думаешь, – одобрил намерение брата Ичээни.

«Давно не охотились. Кажется, у всех запасы мяса на исходе. Скоро затяжные дожди вновь пойдут. Надо бы запастись мясом. Вижу, как не терпится Гякичану. Пускай побалуется. Получится – хорошо, а если постигнет неудача, тужить не будем. Голец Тонмэй не даст умереть с голоду», – подумал Ичээни.

– А ты, Дэгэлэн Дэги, как проведешь день?

– Вот поймаю Токичана и поеду, посмотрю изгороди на речках. Сам видишь, Ичээни, грибов полно в лесах. Олени за такой лакомкой так побегут, что потом не так-то просто будет их догнать и вновь собрать вместе. Сам все это знаешь, не хуже меня.

– Так и знал, что мудрые слова скажешь. Однако якуты заскучали без тебя. Ты у них ни дня без дела не слонялся, – пошутил Ичээни.

Все засмеялись.

– Спихватились, наверное, когда поняли, что я подался в бега, – засмеялся и Дэгэлэн Дэги и глянул туда, где за горной грядой начинаются топи да болота и равнинные места, которые якуты называют аласами.

– Но ты, как всегда, о деле говоришь. Поезжай, проверь изгороди, – уже без улыбки отозвался Ичээни. – Об одном прошу. Будьте осторожны в тайге. Смотрите в оба. Тот кяга неуловим. Знает, что я иду по его следам. Это злой и упертый зверь. Плохо, что он не уходит прочь. Вместо этого все кружит по округе. Я сегодня вновь пойду и постараюсь найти его.

– И ты, ака, будь осторожен. Оставил бы в покое абагу, что ли... – промолвил Этиркит.

* * *

Для кочевых ламутов самая лучшая пора – когда наступают погожие дни. Солнечные дни воспринимаются ими как дар божий. Потому в такой день мужчины стараются сделать что-то по хозяйству. Кто-то мастерит топорище взамен износившегося. Другой чинит верховые и вычные седла. Третий из специально вымоченной лосиной шкуры острым ножом срезает в меру широкие полоски в круг, стараясь нигде ненароком не срезать. После этого вырезанные кожаные полоски крепко затягивают по кронам нескольких деревьев для просушки. При этом обращают внимание на высоту, чтобы олени не задевали рогами. Из них изготовят маут-аркан

¹⁸ Явтак – стоянка оленей возле чумов при жарком солнце.

¹⁹ На охоту бы поехать или как.

или кожаную упряжь для верховых и упряжных оленей. До этого предстоит еще долгий труд по тщательной выделке заготовки.

У женщин свои бесконечные заботы. Одни женщины занимаются шитьем новых торбазов и рукавиц для мужей и детей на зиму. Другие приводят в порядок поношенную меховую одежду, обшивая порванные места. Шьют дохи и легкие тужурки из выделенных оленьих или уямканьих шкур.

Август – самое вольготное время года. С утра, как только кто-то из мужчин пригонит оленей, женщины ловят важенок и привязывают их к сирняю²⁰ или к специально приспособленным для привязки деревьям. Сразу не доят. Им важно, чтобы вымя у важенок наполнилось молоком. Детишки внимательно караулят важенок, чтобы оленята не высосали у них молоко. К этому времени года оленята уже в достаточной мере подрастают, чтобы самостоятельно пастись. Но они, как дети, любят полакомиться материнским молоком. С ними теперь ничего не случится при обилии ягеля. Важенок ловят и привязывают только в жаркий солнечный день. В ненастье важенки на свободном выпасе.

В кочевой жизни у каждого свои заботы. Никто без дела не сидит. Взрослые мужчины между собой держат совет, кого бы отправить на охоту. Все разом не могут выехать. Дел по домашнему хозяйству у каждого много.

Сегодня после того, как взрослые держали совет по поводу того, кто чем займется, глава рода Ичээни ушел в горы, настал черед ребятни. Здесь за вожака выступает старший сын Ичээни Тонмэй. Он распределяет обязанности. Сам Тонмэй, а с ним и старший сын Этиркита, Энкэт, и сын Дэгэлэн Дэги, Иркун, пойдут в лес за хворостом для растопки очага. А младшие братья, сын Гякичана, Гусэткэн, и младший сын Дэгэлэн Дэги, Талани, будут караулить дойных важенок. Те приуныли. Им хочется больше резвиться вокруг чумов, а сидение на дозоре возле дойных важенок, стоящих на привязи, быстро наскучит. Бывало, они не замечают, как самые шустрые оленята, крадучись, подбегают к матерям и начинают азартно сосать. Тогда раздаются раздосадованные возгласы женщин. Дети, сознавая вину, бросаются к оленятам и с трудом отгоняют прочь. Этим мальчики заняты до тех пор, пока солнце не начнет садиться за горы.

К малышам иногда подбегают на помощь сестренки. Но так получается не всегда. Девочки помогают матерям по дому или присматривают за младенцами.

Наконец-то наступает долгожданная пора для малышей, когда матери приступают к дойке оленей, у которых вымя уже наполнено молоком.

Ламутским детям некогда вольно гулять. Они всегда заняты делом. Они живут по неписанным традициям и обычаям таежной кочевой жизни.

* * *

Старшие мальчики время зря тратить не стали. В лесу собрали много хворосту. Порубили его мелко, чтоб удобнее было при растопке. Каждый перетянул кожаным ремнем свою вязанку. Бодро зашагали домой. Но посчитали, что этого маловато, и Тонмэй снова зашагал в лес. За ним потянулись Энкэт и Иркун.

Энкэт на два года старше Тонмэя. А Иркун самый младший в тройке. Но вожаком признается Тонмэй. С ним не спорят. Его слушают и делают так, как говорит Тонмэй. В самом деле, толковый мальчик. Прежде чем решить что-то, Тонмэй внимательно выслушает обоих. Не спорит с ними, если даже не согласен. Затем спокойно объясняет свой выбор.

²⁰ Срубают средней толщины дерево. Его комель обтесывают. Затем с обеих сторон мастерят подпорку, чтобы поднять комель повыше над землей. А остальная часть остается на земле. На всю длину этого приспособления на весь день привязывают дойных важенок, чтобы у них вымя наполнялось молоком. Потом доят. Такое сооружение ламуты называют сирняем (хирняй).

Ламуты не читают своим детям нравоучения, не опекают ни в чем. Ичээни, когда Айсач порой корила его за то, что он мало общается с сыном, усмехался и говорил: «В нем моя кровь, сама знаешь. Мальчонка смысленый. Видит, чем занимаемся, как мы живем. Правильно сам решает, как ему вести себя. Пускай растет свободным, как гусэтэ²¹ и летает выше облаков, что висят по бокам Гольца Тонмэя...»

Вот и растет самостоятельным смуглый мальчонка Тонмэй. Как-то улегшись спать, мальчик случайно услышал, как мать поздно вечером тихо спросила мужа: «Ты почему настоял, чтобы первенца-сына назвать Тонмэй?» А отец тогда ответил: «Мы кочевали с твоими родителями и сородичами. Я любил тебя, ты это сама знаешь. Но ты не знала, как сильно я тосковал по Гольцу Тонмэю. Вот и нарек сына Тонмэем, чтобы вырос сильным и могучим, как Голец Тонмэй...»

Мальчик, чтобы дальше не слышать разговор родителей, с головой укутался в меховой спальник. Никто не учил, но душой понял: нехорошо подслушивать.

...Мальчики принесли много хвороста. Потом, довольные, ушли на поляну играть.

– Давай бегать наперегонки. Видите высокое густое дерево? – говорит Тонмэй.

– Видим, видим... – отвечают Энкэт и Иркун.

– Как только я крикну: «Гэлээ!²²», втроем побежим. Понятно? – Тонмэй взглянул на друзей. У тех щечки зарумянились в ожидании команды. Мальчики закивали, значит, поняли.

– Гэлээ! – наконец-то кричит Тонмэй, и все втроем срываются с места. Бегут плечом к плечу. Вот-вот добегут до дерева, неожиданно вперед вырывается быстроногий Иркун. У Тонмэя заиграла кровь. «Нет-нет, сейчас же обгону Иркуна», – пронеслось у него в голове. Он прибавил и догнал Иркуна, теперь бегут рядышком, шумно дыша, с покрасневшими личиками. Так и добежали до дерева.

– Ты победил, Иркун! – запыхавшийся Тонмэй улыбается. Он приобнял взволнованного Иркуна. Счастливая улыбка озарила смуглое личико мальчика.

* * *

О добрых людях этого рода светлая молва передавалась ближним и дальним ламутам. Но иногда жизнь вносила свои коррективы... Это случалось тогда, когда из дальних ламутских родов вдруг появлялись охотничьи семьи и начинали кочевку рядом с ними. Так бывало иногда, когда уямкан или сохатый уходили с насаженных мест и охотники, гонясь за ними, останавливались на охотничьих угодьях другого рода. Родовые ламуты не косились на новых соседей. В таких случаях пришельцы первым долгом навещали главу рода. Ичээни наставлял их, что земля для всех ламутов одна и что они должны кочевать по тем местам, которые им по душе. «Так велит Дух Гольца Тонмэя», – говаривал не по годам башковитый ламут. Поэтому пусть илуму²³ ставят там, где им удобно и душе угодно. К тому же добрые соседи-сородичи, как надежная непкэ²⁴ в неустойчивой кочевой жизни, когда удача на охотничьих тропах весьма переменчива. Пришлые сородичи подсобят, коли нужда нагрянет. Правда, ламуты рода Ичээни и сами никогда не задумывались над тем, только ли им принадлежат эти земли и вообще принадлежат ли они им. Они знали твердо одно: все заранее предопределено свыше самим Духом Гольца Тонмэя, никому не позволено нарушать его волю. Великий грех, если проявишь неуважение к нему. Тогда кара неминуема. Ичээни и его сородичи жили и кочевали сами по себе, не забывая о своем покровителе. Жизнь у них текла по своим неписаным обычаям. Без

²¹ Гусэтэ – орел.

²² «Гэлээ!» – повелительный возглас, означающий действие типа «Давай!» или «Вперед!».

²³ Илуму – чумы.

²⁴ Непкэ – подножие юрты, которое тщательно утепляется.

единого свидетеля, если не брать в расчет ночные звезды, в страстном любовном порыве они наживали детей и бережно растили их. Свободно охотились в огромном таежном пространстве. Никто не мешал им и сами они никому не мешали. Казалось, что так жили, живут и будут жить вечно, защищенные от всяких напастей скальными вершинами Гольца Тонмэй и густой стеной седой тайги.

Но жизнь была трудна и непредсказуема. Не было спасения от разных болезней, которые порой уносили целые семьи.

По веками сложившемуся порядку каждый род потомственно владел своими оленьими пастбищами и охотничьими угодьями, у одних они были побольше, у других – поменьше, кому сколько надо. Данный закон соблюдался неукоснительно.

* * *

Дэгэлэн Дэги по нраву веселый, безобидный ламут. История его жизни среди якутов вылилась в целое событие. Сами ламуты часто допытывались об этом у него. Немудрено, конечно, ламуту по воле случая оказаться в другом, непривычном для него мире...

Два раза в год к ним наезжали якутские купцы. Ламуты, привыкшие к обмену товарами, с нетерпением ждали их. Сами, как могли, тоже готовились, запасаясь меховыми заготовками – торбазами, в основном из оленьих камусов или сохатиных, для обмена. Своих верховых или выючных оленей берегли. Без острой нужды не забивали. Зато поздней осенью, когда снег залегал на зиму, или по весне – охотились на дикого оленя. Удачная охота позволяла запастись мясом, шкурами, камусами. Охота на сохатого не всегда удавалась. Мужчины прикидывали, чем запастись, чтобы выгодно меняться с якутами. У женщин гораздо проще. У них всегда под рукой торбаза, рукавицы, дохи и все остальное.

Как-то на конных санях приехали два якута, купец Улахан Мурун и его работник Хачыкат. Накануне ламутам подвернулась удача. Без особых усилий добыли трех сохатых. Не всегда удачной бывает охотничья тропа. Но на сей раз Дух Гольца Тонмэя расщедрился. Сохатину поделили поровну на всех. Своей долей каждый ламут распорядился сам.

...Якутам крупно повезло. Ламуты охотно предлагали жирное мясо на обмен. Купец оказался неплохим человеком. Ламуты обзавелись топорами, ножами. Без них трудно в кочевьях. Но больше запаслись мукой, чаем и листовым табаком, который по-своему называли «чаркааскай тэбээк».

Купец Улахан Мурун ради свежей сохатины расщедрился. На радостях угостил ламутов «огненной» водой. Те быстро опьянели. Остатки мяса отдали просто так.

Улахан Мурун, зная, что обратная дорога дальняя и трудная, попросил у ламутов, чтоб те выделили ему в помощники кого-нибудь из своих. Те не стали долго торговаться. По-своему быстро поговорили о чем-то. Кивнули головой на молодого Дэгэлэн Дэги. Парень широко улыбнулся, согласно кивнул головой. Сошлись на том, что Улахан Мурун до таяния снега приедет еще раз и вернет им сородича. Перед обратной дорогой вновь угостил ламутов огненной водой.

Время пролетело быстро. Наступила весна, растаял снег, побежали ручьи. Купец не приехал с Дэгэлэн Дэги. Ламуты не знали, как быть. Поехали бы сами к якутам за парнем, да дороги не знают, снег-то весь растаял. О купце особо не думали. У того путей-дорог не счесть. Таких ламутов, как они, кочующих по тайге, много. А вот за своего Дэгэлэн Дэги переживали. Мало ли что... Кругом незнакомые для него места, да и якуты незнакомы. Их языка не понимает парень-ламут. Вдруг заболит или что-нибудь случится. Ненароком могут побить... В конце концов сошлись во мнении, что Дэгэлэн Дэги просто так не пропадет, не исчезнет, как соринка, и вернется. С такой надеждой ламуты стали жить привычной жизнью, кочуя по окрестностям Гольца Тонмэя. Не заметили, как пролетело лето и наступила ранняя осень – монтэлсэ. Ночи

стали темными и прохладными. Однажды поздним вечером, к удивлению сородичей, неожиданно появился Дэгэлэн Дэги, весь исхудавший и повзрослевший. Ламуты по очереди подходили к нему и хлопали по плечу, а женщины нюхали его голову. Поведал о своей жизни у якутов. Купец Улахан Мурун их не обманул, а заболел, потому не смог, как обещал, санным путем вернуть ламутам их сородича. Дэгэлэн Дэги стал жить у куца работником на побегушках. Постепенно кое-как научился понимать язык якутов. Никакой работы не сторонился. Что ни скажут якуты, делал исправно. Научился даже косить траву. Зато сильно тосковал по своим сородичам, тайге и горам. Каждую ночь ему снился Голец Тонмэй. А сами якуты оказались добрыми людьми. Не обижали, но и не отпускали.

Не выдержал ламут, решил на побег. Однажды ночью, когда якуты спали, по бездорожью махнул прочь, лишь бы увидеть горы. Якуты жили обособленно на широкой поляне, которую называли «алаас». От тех алаасов гор не было видно. До них далеко. Дэгэлэн Дэги побежал наугад. Помогла пытливая память кочевника. Он запомнил, как ехал с купцом. А когда вдали смутно замаячили силуэты горных зубчатых вершин, облегченно вздохнул. Там его родная стихия... Только бы добраться до них.

* * *

На другой день после возвращения Дэгэлэн Дэги, радостный и довольный, навестил все чумы. Жизнь с якутами пошла ему на пользу. Вечером за трапезой в сярму²⁵ он вдруг засмеялся, чем удивил всех.

– Вы не поверите, якуты переменили мое имя, – пояснил Дэгэлэн Дэги. – Им трудно было привыкнуть к моему имени, и они стали звать меня Василийкан. Отовсюду я только и слышал: «Василийкан да Василийкан!». Сначала мне непривычно было, а потом обвыкся.

– Ба-сы-лай-кан, – разом забормотали сородичи. – Что же, хорошее имя! Давай и мы теперь тебя Басылайканом станем звать. Сам-то не возражаешь?

– Нет, я свое имя не меняю. Оно же мое от матери. Зовите меня так, как меня звала мать, – молодой ламут неожиданно заартачился и прилюдно отказался от нового имени.

Прошло время. Дэгэлэн Дэги женился на девушке-сироте по имени Чимчэн из рода ламутов, которые кочевали по западным нагорьям и рекам Гольца Тонмэй. Сам Дэгэлэн Дэги тоже без роду, жил сам по себе. Его отец погиб в горах под снежным обвалом. Мать и две младшие сестры умерли по болезни. Остался он один. Его позвали к себе Этиркил с Гякичаном, братья Ичээни. Братья и сосватали его, женили на Чимчэн. Девушка невысокого роста, зато веселая по нраву, певунья. Сразу как только увидела Дэгэлэн Дэги, тут же запела:

Бэлтэнэкэн ясалчални,
Яв-ул итчэ-гу, тадук мянча,
Оногчанни ныртанакан,
Хэмэнни дырам, нумак бидин.
Глазки округленные,
Будто удивленно глядят,
Ноздри широченные,
Губастый, мягок видать.

Молодой ламут смутился. Не ожидал от девушки-сироты такой смелости, хотя знал, как большинство женщин-ламуток склонны к песнопению. Это верно. Ламутки песней передавали

²⁵ Сярму – просторное летнее жилище ламутов.

точный портрет человека. У них был природный талант. Когда ругали какого-нибудь за про- ступки, пели сердито. При ссорах склоняли в песне друг друга. Правда, ругались крайне редко.

Дэгэлэн Дэги в ответ не сказал ни слова, пораженный умением девушки словесно описать его. Ему понравился мягкий, грудной голос девушки.

Вскоре они поженились. Несколько ламутских родов собрались в честь зарождения новой семьи. Тут обошлось без привычных свадебных обрядов. Соединили судьбы двое сирот. Зато сородичи поддержали их гонками на оленях и песнями. От зари до зари не утихал ламутский танец – сээде. Естественно, подарили молодым несколько важенок с тонким расчетом, чтобы Дэгэлэн Дэги стал оленным ламутом.

Дэгэлэн Дэги с женой Чимчэн к возвращению Ичээни успели нажить троих мальчиков. Все родились с разницей в год. Сородичи по этому поводу радовались, но при каждом удобном случае подшучивали, мол, Дэгэлэни у якутов научился легко обходиться с женщиной. Естественно, мужчины потихоньку допытывались насчет женщин-якуток.

Возвращение Ичээни воодушевило не только Дэгэлэн Дэги, но и остальных ламутов.

* * *

Поднимаясь на гору, Ичээни всегда придерживается двух правил. Никогда не подниматься по одной тропе и каждый раз спускаться по иным склонам. Правда, тропа эта заметна только ему одному. Приходится ступать по камням, где след не отпечатывается. Но цепкая память Ичээни никогда его не подводила. Каждый раз он поднимается или спускается по разным склонам, хотя его сородичи предпочитают торить заметные тропы в горах. Ичээни сам замечает эти повадки сородичей и думает: «У каждого свой выбор пути. Зачем мне пытаться учить их уму-разуму. Сами жизнь прожили, каждый ламут должен жить по своему уму».

Правда, в кругу семьи за трапезой или на воздухе возле чумов, где в ясную погоду любят кучковаться сородичи, Ичээни делился своими мыслями с сородичами:

– Мы все дети Гольца Тонмэй. Это он нас оберегает, кормит и защищает от напастей. Ни дня без него не обходимся. Поднимаемся наверх, кто как может. Кто-то выше, другой пониже. Оттуда смотрим вдаль.

Я не позволяю себе подниматься или спускаться по одной и той же тропе. Нельзя марать лик Гольца, оставляя заметные следы, потому всякий раз выбираю другой путь.

Иногда поднимаешься и вдруг – на сокжоя или рогача едва не наступаешь. Тогда все зависит от тебя самого. Насколько ты сноровист. Такую добычу, сами знаете, обычно я не упускаю. Это же дар самого Гольца Тонмэя. Пойди я по старой тропе, удача отвернулась бы. К тому же, когда торишь одну и ту же тропу, ненасытный кяга может тебя подстеречь. При подъемах, бывает, остановишься и смотришь вдаль. Я обычно ни на что постороннее не отвлекаюсь...

Сородичи молча слушали молодого вожака. По выражению их копченных до черноты лиц Ичээни он улавливал, как чутко внимают они.

Расторопный сынишка Тонмэй, подобрав под себя ножки, сидел рядом и, весь превратился в слух.

– Хэ-хэ... – тихо засмеялся Дэгэлэн Дэги, почему-то поглаживая рукой лохматую голову. – Я так, как ты, Ичээни, не могу. Привык по своим тропам ходить...

Остальные ламуты оживились.

– Ты, Дэгэлэни, перенял манеру якутов. Часто сам ежу к ним и вижу, как они живут. У них нет таких высоких гор, как у нас. Веселый, певчий люд. По лугам, где попало, не ходят. Вот где тропы так тропы! – Ичээни заговорил быстро, глядя на своего сородича.

Дэгэлэн Дэги означает Быстрокрылая птица. Когда без «Дэги», то зовут просто Дэгэлэни.

О Дэгэлэн Дэги есть еще занимательная история, достойная внимания... Она произошла, когда Ичээни жил далеко у других ламутов.

Но об этом в другой раз, когда появится удобное время.

* * *

Ичээни не спеша поднялся к ущелью, где на днях услышал тарбаганий свист. Пока поднимался, вспотел. Солнце щедро лило теплые лучи на морщинистый склон сопки. Одну из несчетных сопки на дальних подступах Гольца Тонмэй. Отсюда берет начало священная земля. Вокруг стоит тишина, будто и не было ночной грозы.

Когда охотник осторожно шагал по гребню ущелья, вновь раздался знакомый тарбаганий свист. Ичээни остановился. Оперся о березовую палку и стал внимательно всматриваться в темные каменные глыбы. На одной из глыб увидел взрослого тарбагана. По всему видно было, как он наслаждался солнечным теплом.

Ламуты этих зверьков по-своему называют чамак. У них теплая, пушистая шкурка. Якутские купцы охотно покупают их, меняют на чай и табак. Из этих шкурок ламутские мастерицы шьют зимние шапки, тонкими полосками украшают края торбазов, рукавиц и других вещей.

Вслед за уямканом, снежным бараном, этот редкий зверек с давних времен был достоинством каменных ущелий Гольца Тонмэй. У каждой тарбаганьей семьи есть свои излюбленные каменные крепости, где они пережидают опасность. Внизу, под каменными валунами, виднеется узкая полоска зеленого луга со звонко журчащим ручейком. В летнее время тарбаганы спускаются сюда на водопой. Осенью до первого снега здесь относительно тепло. Тарбаганы всей семьей роют себе зимнее жилище, в котором засыпают на ночь. Такое жилье по-ламутски называется бута. Глубина зависит от количества зверьков. В одной бута залегают до десяти-двенадцати особей. Это одно семейство, в котором самец, самка и детеныши. Подросшие зверьки начинают вести самостоятельную жизнь. Тарбаганы умные зверьки. Удивительно любопытны, но и весьма осторожны. Чуют любую опасность.

Они тщательно готовятся к зимней спячке. Дно бута застилают толстым слоем зеленой травы. Работают усердно, как муравьи. Залегают не как попало, а в определенном порядке. В самом низу, то есть на дне, первой залегают самка – мать детенышей. На нее ложится один из детенышей, затем второй, третий, так друг на друга. А на самом верху устраивается самец – отец семейства. Он же закрывает вход толстым травяным слоем. Первая же пороша накрывает жилище снежным покровом. Если охотник ранней осенью не приметил бута, то зимой под сугробами ничего не заметит, пройдет или проедет на верховом олене мимо, не подозревая о спящих под землей зверьках.

* * *

Ичээни не переставал удивляться таинству жизни. Вот, к примеру, эти тарбаганы. Кажется, что он знает их, как свои пять пальцев. На деле же совсем не так. У тарбаганов свой неведомый мир.

Ламуты охотятся на тарбагана не только ради теплой нарядной шкурки. Тарбаганина – отменное лакомство. Варят мясо тарбагана долго и едят, остудив. До варки отделяют мясо от жира. Используют жир при простудных заболеваниях. Растопив, натирают грудь и спину. В зимнее время жир используют в качестве жирника для освещения чума.

...Ичээни обнаружил тарбаганов почти на каждом валуне. Всем семейством вылезли на солнце, чтоб согреться. Ламуты, охотясь на них, не стремятся добыть все потомство. Оставляют впрок. В жизни всякое случается. Эти каменные утесы для ламутов, как надежные кладовые на все случаи жизни...

Ущелье узкое, продолговатое. С обеих сторон темнеют каменные стены. В тени зеленеют лужайки.

Ичээни широко улыбнулся. Но лишь только он сделал шаг, как вновь прозвучал пронзительный свист. В одно мгновение с каменных валунов словно ветром сдуло все тарбаганье семейство. Все попрятались по норкам.

«Какой же я бестолковый, – подумал Ичээни. – Будто в первый раз увидел этих тарбаганов!.. А вдруг кяга подкрадется сзади. Свалил бы меня, разиню, одним ударом. Однако он тоже на тарбаганов глаз положил. Встречаются его следы. Не только упрям он, но и злой. Чтоб схватить одного тарбагана, ворочает все камни вокруг. Он точно где-то рядом. Видно, шастает вдоль ущелья. Пойду-ка наверх, погляжу, что еще там интересного».

* * *

Медведь медленно уходил от своего преследователя. Он долго кружил по окрестным склонам, пытаясь запутать следы. Но скоро он понял, что человек не отстанет. Как ни крутился вокруг да около, двуногий этот вот-вот настигнет. Пару раз попытался залечь и затаиться, чтоб подпустить того близко, напасть внезапно и подмять под себя. Но всякий раз человек, словно чуял медведя, предусмотрительно стоял в стороне от стланика. Держался уверенно. Всем своим видом показывал, что нисколько не боится хищного зверя.

Медведь не зря прожил под солнцем, облюбовав склоны и распадки этой высокой горы. Он опытен. Нутром предчувствует, что его преследует сильный соперник, опасается нападать первым. Предпочитает уходить. Зверя манил перевал. Перевалит по ту сторону большой горы и оторвется от погони. Человек, когда увидит, что он уходит, отстанет. Расчетлив зверь. Он стар, но все еще в силе. И ему хочется еще пожить, походить по знакомым горам и лесным чашобам. Мог бы спуститься вниз к лесам, где можно спрятаться в буреломках, но там тесно, а вот лазить по склонам зверю нравится. Здесь и ягоды-каменки много и вдоволь орехов. Случается и за тарбаганами погонится. Зверь силен, он легко ворочает и раскидывает камни любой величины. Тарбагану не спастись.

Медведь еще накануне в ущелье наткнулся на тарбаганью семью. Захотел полакомиться свежатиной. Но помешала гроза. Зверьки попрятались в ислэ²⁶. Их оттуда теперь не выгнать.

Эти места ему знакомы. Он поднимется выше, там есть чем полакомиться. Склоны становятся круче. Медведь идет по самой кромке ущелья. Благо, дождь прекратился, только моросил.

В это время сверкнула молния, и тут же разразился гром невиданной силы, будто темное небо разорвалось на куски.

Медведь вздрогнул и оступился на мокрому камне. Его потянуло вниз. Он попытался удержаться, ухватиться за что-нибудь, но сорвался и покатился по крутому каменному склону. В темной глубине сильно ударился об острые камни. Зарычал и застонал от невероятной боли. Если бы он умел говорить, то непременно спросил бы сам себя: «Как быть? Есть ли выход из этой западни?»

* * *

Вечером в сярму Ичээни зашли Иркун и Энкэт, друзья Тонмэя.

Семья заканчивала вечернюю трапезу. Оба мальчика смутились. Видно, не хотели выглядеть голодными, специально подоспевшими к трапезе.

Тонмэй обрадовался друзьям. Это он пригласил их вечерком заглянуть и послушать, что расскажет отец.

²⁶ Ислэ – норы под валунами.

Мать Тонмэя Айсач уловила, как неловко почувствовали себя мальчики. Светлая улыбка озарила лицо женщины. Она пригласила маленьких гостей к столу:

– Не стойте возле уркэпэнэ²⁷. Подсаживайтесь к столу.

– Не стесняйтесь, резвые сонгачаны-оленьята, – улыбаясь, подал голос Ичээни. Энкэт первым подсел к столу. За ним последовал Иркун.

Мать Тонмэя положила перед каждым жирные куски вареного мяса. По аромату мальчики догадались, что это была уямканина – мясо снежного барана.

– Ешьте, не стесняйтесь, а после расскажу сказку, – негромко засмеялся Ичээни, вспомнив просьбу сына.

Оба мальчика не заставили себя уговаривать. Налегли на мясо.

– Быстрее подрастете, коли хорошо будете питаться, – вновь заговорил Ичээни.

Энкэт улыбнулся глазками. Ему по душе пришлись слова отца Тонмэя. Оглянулся на Иркуна. Тот с аппетитом уплетал лакомые кусочки.

Они наелись так, что дружно отказались от супа. Тогда хозяйка чума налила в кружки прохладного оленьего молока. Мальчики охотно потянулись к молоку.

– Все равно, как сонгачаны... – одобрительно бросил отец Тонмэя.

Когда Энкэт с Иркуном поели, Тонмэй подсел к отцу и тихо шепнул:

– Ама, расскажи сказку.

– Ну, сонгачаны, теперь расскажу одну сказку. Это даже не сказка, а быль из жизни ламутов. Хотите послушать? – Ичээни взглянул на мальчиков и улыбнулся.

– Хотим, хотим, отец Тонмэй! – оба мальчика воскликнули одновременно.

– Сядьте поближе ко мне.

Мальчики пододвинулись.

Ичээни негромким голосом заговорил:

– Давным-давно по здешним местам кочевали и охотились наши предки. Жили трудно. Много чего им не хватало. Нам сегодня живется гораздо лучше, чем тем ламутам, о которых рассказываю.

Мы меняем у якутов мясо, шкуры, на многое необходимое нам. А в те далекие времена якутов не было. Наши люди жили тем, что даст им Дух Земли. Как и мы сейчас, те жили охотой на диких оленей.

Монтэлсэ²⁸ женщины с детьми собирали ягоды, орехи. Одна девочка-подросток заблудилась в тайге. О ней спохватились, когда настала пора возвращаться домой. Стали громко звать ее, думая, что она где-то рядом. Та не откликнулась. Стали звать громче. Принялись обшаривать ближайшие заросли. Девочки нет. Все заплакали. Что же делать? Плачем делу не поможешь. К наступлению сумерек, вернулись к чуму. Надеялись, что вдруг вот-вот заявится заблудшая. Наступил вечер. Девочка не вернулась. Ночью темно. Улеглись спать. И наутро ее нет. Целый день искали в тайге. И мужчины подключились. Леса густые, где найдешь в такой глухомани заблудившуюся девочку...

Вскоре выпал первый снег. Девочка бесследно исчезла. Женщины умывались слезами. Подоспела зима. Затем настала ранняя весна.

Один из охотников, возвращаясь из охоты на сокжоев, обнаружил медвежью берлогу. Видать, матерый абага-медведь. Берлогу себе выкопал в буреломе. Охотник мог не заметить, да собака помогла. Стала вдруг лаять в чащобе. Поняв, что к чему, еле увел собаку. Наутро мужчины двинулись к берлоге.

Подъехали. Все тихо. Собаку держат при себе. В это время произошло чудо. До них донесся голосок пропавшей девочки. Охотники в страхе переглянулись. Неужели почудилось?

²⁷ Уркэпэнэ – вход в чум.

²⁸ Монтэлсэ – ранней осенью.

Может, осенью тут прошла пропавшая, а звук ее голоса остался в воздухе? Говорят, что и такое случается. И тут из берлоги вылезает девочка. Ножки еле двигает и просит: «Его не убивайте!»

Заблудившись, она долго бродила по тайге, питаясь ягодами. Настали холода. Выпал снег. Девочка все ходила, надеясь, что ее ищут родители и братья. Сильно отошала.

Однажды она провалилась в глубокую яму, где было тепло, и моментально уснула. Так девочка оказалась в медвежьей берлоге, где уже сам зверь залег. Девочка, видно, долго спала, просыпалась и вновь засыпала. Медведь сам иногда бормотал и сосал лапу. Потом стал давить лапу и ей. Девочка прильнула однажды ртом к лапе и тоже стала сосать. Так она выжила. Однажды медведь проснулся, стал беспокоиться и рычать. И тут до слуха девочки донеслись людские голоса. Она поняла, что приехали на облаву медведя. Теперь убьют его, бедного, спасшего ее от смерти...

– Отец и братья обрадовались, обнаружив девочку невредимой. И все поехали домой. Медведя не тронули. Такая история. А где правда, где выдумка, мы не знаем, – закончил рассказ Ичээни.

Энкэт подал голос: «Отец Тонмэя, а почему ты гонишься за абага?» Ичээни помолчал, потом ответил: «Медведи, как люди, разные. Есть добрые, есть и злые. Мой абага, за которым хожу, злой. Из-за него мы все осиротели. Разве забыли, как он расправился с моим отцом? Если зверь почувствует, что мы его боимся, то он совсем обнаглел. В открытую пойдет на вас, зная, что вы бессильны перед ним. Я хочу и за отца отомстить, и вас оградить. Ясно, дети?»

* * *

Медведь не сразу понял, что попал в западню. Поначалу надеялся, что как-нибудь выкарабкается. Бывало, за свою долгую жизнь не единожды попадал в передраги похлеще. К счастью, обходилось. Дожил-таки до старости. Сердито урча, обошел полутемный каньон. Вокруг сплошные стены... Зверь оторопел... Вмиг позабыв о боли в костях, заметался. Глубоко сидящие глазки загорелись злым огоньком. Раз за разом, кидался на выступы, но падал вниз. В отчаянии ревел, клыками начинал грызть камни. Выбившись из сил, замер на дне каньона. Из глаз потекли слезы... Словно опомнившись, вскочил на задние лапы, свирепо зарычал и в отчаянии упал на камни. Его била дрожь. Вряд ли он предполагал, что вот так нелепо закончится его жизнь. Немного передохнув, снова попытался выбраться. Все тщетно. Не за что зацепиться.

В течение долгой жизни еще ни разу не попадал он в такую западню. И раньше за ним не раз гнались двуногие со злыми собаками. Бывало, рвал собак, безрассудно кидавшихся на него, и уходил.

Во время брачных смертельных поединков отчаянно дрался с другими самцами. Всякое бывало. Одних одним-двумя ударами пускал в бегство, других рвал беспощадно. Попадались самцы посильнее его. С ними отчаянно дрался насмерть. Не отступал. Бился бесстрашно, не давая передышки врагу. И добивался своего, соперник уходил. В окрестностях здешних гор и говорливых рек живут подросшие его потомки, иные уже стареющие, со своими давно зажившими шрамами на мордах. В периоды гона, бывало, пересекались их пути-дороги с медведем-родителем. Даром эти звери не говорят, а при любой ситуации признают медведя-прародителя. Без боя уступали ему самку. Не зря про таежных медведей жива молва об их уме, хитрости и, как ни странно, справедливости. Видно, сама природа наделила их такими удивительными качествами.

...В конце концов медведь обессилел, пытаясь покорить каменную стену. Откуда появился этот каньон, зверь не мог припомнить. Сколько раз гроза грохотала над Гольцом, ударяя о камни огненными молниями, но ни разу не попадал он в такую западню. Не мог же дикий зверь понять, что каньон образовался после небольшого землетрясения. И он угодил сюда сам, будто желая в темном сыром каньоне окончить свой век и навсегда попрощаться с

белым светом, незаходящим солнцем, таежной ширью и могучим Гольцом, со склонов которого простирался необъятный мир в вечной своей красе...

* * *

С утра Ичээни был в хорошем расположении духа. Быстро попил чай, поданный женой Айсач. Немного поел мяса. Взглянул на спящего сына Тонмэя и молча улыбнулся. В этой улыбке вся его любовь к сыночку. Жене Айсач ничего не сказал.

– Берегись, Ичээни. Помни о том, что давеча приснилось тебе, – молвила Айсач. Ичээни не отозвался. Он сам знает, что делать и как вести себя. Правда, жене ничего не сказал. Ему в последнее время не нравилось вольное поведение жены. Но что поделаешь, все-таки Айсач – мать его сына Тонмэя. Дня два назад шепнула, что ждет пополнения семьи. Это была неожиданная новость.

Ичээни не привык открыто проявлять чувства, оставляя их в глубине души. «Посмотрим, как все сложится в семье. Важно, чтобы Айсач по пустякам не волновалась. Дух Гольца Тонмэя поддержит. Я это знаю», – думал он, бодро шагая по густому лесу.

Думать-то думал, а глаза оставались зоркими. На нем замшевая тужурка, подпоясанная кожаным ремнем. На правом боку привязан охотничий нож в ножнах из лосиного камуса.

В руках привычная березовая палка, длиной до его груди. Верхняя часть обтянута куском выделанной кожи, закрепленной ремнем. Палка как палка, которая в руке у каждого ламута при езде верхом на олене. Ружье не берет с собой Ичээни. Кремневое ружье ненадежно в его положении. Им кяга не добудешь, разве подразнишь только. Его оружие одна березовая палка, не считая ножа в ножнах. Со стороны никто не подумает, что человек этот гонится за медведем, чтобы схватиться с ним насмерть. Который день преследует он зверя. Знает одно: он как следует накажет кяга, убийцу его отца. Огорчает, что зверь умело уходит от него.

* * *

...День выдался солнечным. Ичээни легко поднялся к ущелью и увидел тарбаганов. Пусть греются на солнце и играют, лазая по каменным глыбам. Они никуда не денутся. Пока пусть ничто их не беспокоит.

Поднявшись к ущелью, остановился, опираясь на палку. Пробежал глазами по каменным валунам напротив. Мягкая улыбка озарила его лицо.

«Это хорошо. Кяга их не потревожил. И я не стану их беспокоить», – подумав так, Ичээни медленно отошел назад, потом скрылся за ближайшим стлаником. Пронзительного свиста не последовало. Это означало, что тарбаганы его не заметили.

Ичээни шагал между стланиками, держа палку правой рукой на весу вдоль тела. Это не простая палка. Это главное оружие охотника при единоборстве с медведем. При встрече со зверем, он быстро стянет тонкий ремень, обнажив острие меча, прикрепленного к палке.

* * *

Хищный зверь любит нападать первым и наверняка, встав на задние лапы, всей тушей наваливаясь на жертву. В этот момент охотник падает навзничь, выставляя копьё, упертое другим концом в землю. Медведь, кидаясь на лежащего охотника, наткнулся на острие меча грудью навывлет, а охотник опрокидывает пронзенного медведя через себя. Медлить нельзя. Все происходит стремительно. Бывали случаи, когда древко копья, не выдерживая тяжести зверя, ломалось. В таком случае трагедии не миновать, медведь в одно мгновение растерзает неудач-

ника. Ичээни этому научился, когда жил с сородичами жены Айсач. Таким способом он успел добыть семерых медведей.

Он надеется на себя и свое копьё. Нежданно увидел медвежьи следы. «Э-э, стало быть, ты где-то тут рядом!» Ичээни огляделся. На сырой глине между камнями виднелись отчетливые отпечатки крупных медвежьих когтей. После ночной грозы глина не успела высохнуть.

Ичээни принялся обследовать местность, стараясь не терять из виду направления, куда шел зверь. Следы вели вверх вдоль ущелья. Но зверь мог повернуть направо и устроиться на сухой лежке под густыми кустами стланика. Нельзя исключать такой возможности. Любая невнимательность грозит смертельной опасностью.

Впереди на склонах гор начинается редколесье. Густые стланики остались позади. А медвежьи следы то появляются, то исчезают на камнях. Теперь ясно, куда шел медведь. За ущельем начинается крутой перевал. Видно, медведь намеревается перейти на ту сторону хребта. Если так и медведь решил уйти из этих мест, Ичээни прекратит преследование. Дальше преследовать его пешему охотнику безрассудно. Противостояние охотника и зверя закончится. Только Ичээни подумал об этом, как услышал глухой медвежий рев. Ичээни вздрогнул и резко оглянулся: «Что это?! Откуда этот рев?!». Он прижался спиной к дереву пристально всматриваясь в каждый каменный валун, старую трухлявую корягу на склоне, неглубокие овраги. «Где он ревет?.. Или это сошлись два матерых медведя и дерутся?» Такое часто случается в таежной глухомани. Между тем рев вновь и вновь доносился до его слуха... Ичээни сообразил, что зверь один. Не слышно ответного рывка соперника. Но почему он так глухо ревет? Что могло случиться с ним? Ичээни, весь превратившись в слух, осторожно двинулся вперед.

Рев медведя успокоил Ичээни. Теперь он точно знал: зверь не нападет на него сзади.

* * *

За ущельем Ичээни наткнулся на каньон. Раньше он не замечал его. Да и сам каньон особо не приметен. Ичээни отчетливо увидел знакомые медвежьи следы. Видно, медведь проходил тут в сумерках по узкой кромке каньона.

Тут, словно напоминая о себе, вновь раздался медвежий рев.

Ичээни догадался, что медведь ревет из глубины каньона. «Вот оно как! Каким образом он оказался там?!» – подумал он.

Он осторожно двинулся вперед и вскоре увидел место обвала камней. В то же мгновение, как показалось, где-то рядом, почти под его ногами, заревел медведь.

Ичээни от неожиданности чуть не поскользнулся, он глянул вниз и наткнулся на свирепый взгляд медвежьих глаз.

«Как же он угодил в эту яму?!» – Ичээни сообразил, что медведь поскользнулся на сырых камнях и скатился в пропасть.

Теперь два непримиримых врага смотрели друг на друга. Ичээни определил, что сам каньон не очень глубокий, но каменистые стены для медведя неприступны, самостоятельно выкарабкаться он не может. Человек мог бы закидать зверя камнями. Тот сейчас беззащитен. Но Ичээни даже не подумал об этом, да и любой честный ламут так не поступит.

Ичээни присел на каменный выступ. Из-под его ног покатались вниз мелкие камешки. Медведь зло заурчал. Уже не ревет, как давеча.

Медведь заревел с новой силой и закрутился на месте. Подошел к противоположной стене и поднялся на дыбы. Передними лапами скребет по камням. Окажись на каменной стене хотя бы два-три выступа, он мог бы выбраться наверх. Ведь не очень-то и глубок каменный мешок, да не за что зацепиться.

Ичээни громко заговорил:

– Вот и встретились мы. Который день иду по твоим следам. А пошто убежал-то? Видать, чуял свою вину?.. Зачем ты погубил отца?! Он ведь за тобой не гнался... У тебя, кяга, поганая темная душа, ты убил отца вероломно, как последняя тварь напал исподтишка сзади. Так поступают только негодные трусы. Зря, получается, тебя превозносят и боятся мои сородичи. Ты не такой опасный, как я погляжу, зато хитрости и коварства у тебя хоть отбавляй...

Медведь притих. Сел, прислонившись спиной к каменной стене. Стал похож на согбенного старика. Он теперь не глядел на человека. Уронил лобастую голову на грудь и, видно, прислушивался к человеческому голосу. Время от времени по-стариковски тяжело вздыхал.

Ичээни вновь заговорил:

– Что мне делать теперь с тобой? Ты такой жалкий и слабый... А я-то предполагал, что ты молодой и сильный. Хотел с тобой драться открыто. Я не люблю юлить. Скажу, как есть. Я жаждал убить тебя своими собственными руками, а ты убежал, как последняя тварь, несчастный убийца отца...

* * *

Медведь будто все понимал. Подняв лобастую голову, бросил взгляд на человека и тихонько зарычал.

– Ламуты почитают тебя. За глаза о тебе плохо не думают. Один я сильно злой на тебя. Теперь знаешь за что. Знаешь, почему я гнался за тобой? Хотел проучить тебя за твой грех. Ламутов мало на земле. Вокруг нас никого нет. Трудно живем. Питаемся и одеваемся тем, что найдем. Друг друга поддерживаем. Никого не обижаем. Без отца трудно и мне, и моим сородичам. Я должен тебя теперь умертвить. За это сам дух Гольца Тонмэй меня не осудит. Зачем тебе дальше жить после такого греха? Выйдешь отсюда, вновь нападешь на кого-то из моих сородичей. А может, на узкой горной тропинке подкараулишь и меня самого. Я-то за себя постою, ты не сомневайся.

...Медведь сидел неподвижно, опустив большую голову. Ичээни тоже надолго умолк. Сидя на камне, вынул из-за пазухи трубку, набил ее щепоткой листового табака, чиркнув кресалом, закурил. Надолго задумался. Потом молча встал и ушел.

Медведь, не веря тишине, осторожно встал, кряхтя, походил вокруг. После нескольких попыток выбраться из ямы вновь свирепо заревел, лапами наотмашь ударяя по каменной стене...

Обессилев, улегся. Вдруг сверху посыпались камни. Медведь поднял голову и посмотрел вверх. Там вновь появился двуногий и опустил вниз сучковатое сухое, но крепкое бревно комелем вниз. Обложив верхний край камнями, двуногий снова исчез.

Медведь наблюдал за действиями двуногого. Когда тот снова исчез, медведь опасливо посматривал на дерево, словно опасаясь подвоха. Зверь этот по натуре не только злой и коварный, но осмотрительный и осторожный. Просто так на рожон не полезет. Сначала понюхает не раз и подумает.

Двуногий больше не появился. Медведь же то ли смирился со своей участью, то ли опасался новой встречи с двуногим. Он вновь улегся на живот. Положил морду на лапы и закрыл глаза. Много сил потратил, тщетно пытаясь выбраться. Неудача заметно обескуражила и обессилила его.

Медведь, кажется, задремал. Очнувшись, резко поднял морду. В ущелье стемнело. С недостижимой вышины подмигивали звезды. Медведь прислушался. Вокруг царил гнетущая тишина. Зверь поглядел вокруг. Тяжело поднялся, подошел к сухой коряге и недоверчиво обнюхал ее, затем обхватил корягу лапами и замер. Он почуял, что коряга – его спасение. Но ему чудится, что двуногий где-то наверху и затаился. Он может обратно забрать корягу. Зверь издал глухой рев и всем телом навалился на корягу, будто боясь, что двуногий заберет ее, вце-

пился когтями намертво. Потом, наступив на сучок, осторожно потянулся и прислушался к себе и коряге, будто сомневаясь в ней. Замер, ожидая подвоха. Затем, затаив дыхание, вновь подтянулся по коряге наверх. Вот над краем появляется его лобастая голова, еще движение – и медленно выбирается на уступ всем телом. Не веря своему спасению, тихо зарычал. Приходя в себя, заревел яростно и снова притих... Ему чудится, будто двуногий издевается над ним. Удостоверившись, что никакой опасности нет, двуногим даже и не пахнет, зверь оглянулся на зияющее ущелье и торопливо двинулся прочь. Удалившись на порядочное расстояние, остановился и снова оглянулся назад. Видно, зверю хочется удостовериться в том, что за ним не идет его враг – двуногий. Снова медведь сделал несколько прыжков и остановился, не веря своему спасению. Зарычал, затем, не оглядываясь, пошел к перевалу, как можно дальше уходя от своего смертельного врага... Он теперь боялся даже его духа. Недавнее яростное желание во что бы то ни стало подмять его под себя выветрилось из его головы. Всесильный владыка таежных дебрей теперь поспешно уходил, не желая новой встречи с двуногим врагом.

Глава третья. Поездка к мямяльским ламутам

Удачная женитьба сродни судьбе.

Отогревает душу ламута и раскрывает дремавшие в нем внутренние силы.

Тонмэй нашел себе жену необычным образом. Дело было так. Старый Ичээни задумал женить сына. В последнее время только об этом и думал. Потому долго присматривался к девушкам и женщинам соседних родов. Ему хотелось, чтобы старший сын непременно женился на дочери кого-нибудь из знакомых сородичей. Так было бы выгодно во всех отношениях. Сын кочевал бы рядом. Могли бы в случае необходимости подсобить друг другу в кочевках и на охоте. Невестка должна быть непременно трудолюбивой, мастерицей на все руки, главным образом на шитье. Тогда только он, Ичээни, немолодой уже человек, мог рассчитывать на спокойную жизнь на старости лет. Да вот беда, поблизости не находилось подходящей невесты. На ком попало не женишь сына. Дело это серьезное, деликатное. Речь идет о продолжении рода. Кто останется после ныне живущих и продолжит их род? Попадется добрая женщина, значит, и дети пойдут такие же добрые. Ламуты испокон веков добры ко всему окружающему. У них широкая натура. Душевная щедрость – главное условие продолжения рода. Это качество у ламутов ценилось превыше всего. Ичээни не зря прожил долгую жизнь. У него обостренное чутье на добрых людей. Нельзя обременять жизнь распрями, ссорами и обидами. Нужно жить по добру и в согласии со всеми. Его помимо всего прочего тревожило и состояние оленей. Насколько их хватит? Сегодня-завтра еще пригодятся. А дальше что будет? От их состояния зависит будущее не только рода, а всех ламутов. Рачительный ламут бережет оленей не для себя, а для потомства.

Однажды он задумал снарядить сына в дальний путь к мямяльским ламутам. Поторговать оленями. Мудрый Ичээни подозвал к себе сына, посадил рядом и сказал задумчиво:

– Слыхал я, что у мямяльских ламутов добрые олени, крупные. Поехать бы туда и посмотреть на них.

Тонмэй уловил смысл сказанного, но промолчал. Он знал, что отец предпочитал высказывать мысли иносказательно, будто разговаривал сам с собой, потому решил дождаться, пока отец сам не выдаст свою затаенную мысль.

– Поменяться бы с ними оленями. Прежде всего корбэ-самцами, – не торопясь, будто сам с собой, продолжал рассуждать Ичээни. Затем умолк. Посидел некоторое время молча, углубившись в свои мысли. Но вот погладил седые волосы и поднял глаза на сына:

– А что ты думаешь, Тонмэй, о том, что я сказал? – Видно, ему не понравилось молчание сына.

– Не знаю, ама. Не думал об обмене оленями с соседями, – тихо отозвался Тонмэй.

– Я же не вечный, настанет время и меня не станет. Тебе придется самому найти ответы на такие вопросы. Знаешь почему?

– Не знаю, ама, – прямодушно откликнулся сын.

Ичээни нахмурился, но ничего не сказал. Кажется, ему не понравился ответ сына. Взял полено в руки, молча стал строгать стружки для растопки.

– Без оленей нам не выжить. Из года в год олени наши теряют вид. Разве не замечаешь? Кровосмешение оленей губит. Сам знаешь не хуже меня, без оленя нет нам жизни, – вновь негромко подал голос отец, отложив в сторону полено. Крупные кружева стружки аккуратно положил подальше от очага.

– Не очень-то замечаю, ама – сын удивился, уверенный в том, что их олени едва ли не самые крупные и упитанные.

– Оленям нужна свежая кровь. Самцами-корбэ надо бы меняться с мямяльцами.

– А они согласятся?

– Думаю, и у них такая же забота. Поезжай, Тонмэй, к богатому сородичу Горго. Далекато, правда. Зато у него оленей не счесть. Вот бы с ним поторговаться, а?

Тонмэй воодушевился.

– Охотно поеду, ама. Только скажи, оленей наших для обмена поведу с собой?

– С этим пока повременим. Поезжай налегке. Расскажи про мою просьбу и узнай мнение самого бэгэнэ²⁹ Горго. Как он скажет, так и поступим. Пока наладим связь с мямьяльцами, а там посмотрим, как пойдут дела.

– Мне одному ехать? – спросил сын.

Отец ничего не ответил. Сидел задумчиво, будто не слышал вопрос Тонмэя. На этом разговор между отцом и сыном завершился.

На другой день отец переменял вчерашнее решение.

– Однако поедем вместе. Дорога дальняя, непроезжая. Одного тебя отпускать в такую даль как-то душа не велит, – за утренним чаем тихо молвил старец Ичээни. Он видно ночь думал о своей задумке. Просто так не доберешься к старику Горго. Мог бы сына одного или с кем-то отправить, да только доедут ли?.. Легко сказать, доедут... Обычно едут по наезженной нартовой дороге. А тут одна безбрежная снежная стихия. Полное бездорожье.

На подготовку к отъезду ушло несколько дней.

Молва о богатом ламуте Горго давно дошла до здешних мест. Рассказывали о его крутом нраве. Удивлялись щедрости влиятельного ламута. Тот любил попотчевать гостей. Богат или беден гость, это, говорят, Горго ничуть не интересовало. Главное, в каждом видел желанного гостя. Кроме всего прочего Горго еще любил устраивать разные игрища: олени гонки верхом или в упряжке по снежной целине, борьбу на ремне. У якутов научились перетягиванию палки. Рассказывают, он и сам иногда мерился силой с якутами. Особо ценил борьбу на ремнях. Ичээни и Горго знакомы давно, бывало ездили друг к другу в гости и по житейским делам общались по душам. Немудрено, что оба притерлись друг к другу. Два влиятельных ламута на каждой встрече обменивались думами о своих сородичах. Оба проявляли озабоченность отсутствием мало-мальски грамотного ламута в их горно-таежной среде.

«В жизни якутов многое меняется. Их жизнь интереснее нашей. Мы далеко отстали от них...» – с горечью говорил Горго. Ичээни не сразу откликнулся. Зная характер друга, Горго не торопил. Оба молча дымили трубками. Наконец Ичээни вынимал из рта свою старую трубку и говорил: «А для чего сравнивать нашу жизнь и жизнь якутов?» Горго тут же давал пояснение: «К примеру, я и некоторые мои сородичи замечаем, что якуты живут гораздо лучше. У них коров и лошадей много. Некоторые из них умеют читать и писать...» – «Погоди, Горго», – одергивал друга Ичээни. – «Якуты и ламуты живут своей жизнью. Каждому свое. Зачем сравнивать? Вот ты говоришь, что у них лошади и коровы. А у них есть олени? Нет у них оленей. Это же большая разница... Каждый из нас будет жить своей жизнью...» Вновь молча курят. Покурив, Горго выдает свою думу: «Каким образом мы можем добиться, чтобы кто-нибудь из наших детей научился грамоте?» Реакция Ичээни мгновенная: «Ты дельно тут говоришь, друг Горго. Грамота сродни лучу солнца...»

Так они беседовали. В конце концов сходились на важности обучения грамоте молодых ламутов. Правда, оба не знали с чего начать...

* * *

...На всю жизнь запомнит ту поездку Тонмэй. По-доброму вспомнился отец. Все знал наперед. Долго тогда добирались до владений Горго. Снегу в тот год выпало много. По бездорожью редкий олень проторит дорогу. В пути несколько раз останавливались на ночь. У Ичэ-

²⁹ Бэгэна – господин, тойон, богатый человек.

эти упряжные олени всегда отличались силой и выносливостью. Благодаря им Ичээни с сыном благополучно доехали до стойбища Горго. Оленей у того в самом деле было много. За сотни километров до стойбища снег весь был растоптан тучными оленьими стадами. До стойбища Горго, расположенного в глубине дремучего леса на заснеженной поляне, доехали ближе к сумеркам. Еще издали путники заметили крупную сярму, иногда ламуты такое жилище называют чора-дю. Поодаль виднелись еще несколько илуму³⁰. Над ними вился густой дым. У подножия горы был виден добротно построенный кораль – загон для домашних оленей. При виде невиданных ранее упряжных оленей залаяли повсюду собаки.

Несколько рослых псов выбежали навстречу. В густеющем вечернем воздухе трудно определить их масти. Они дружелюбны к людям. Путники прямым ходом подъехали к чора-дю. Несколько ламутов из соседних илуму выбежали к гостям. Взяли у приехавших из рук вожжи, привязали оленей к дереву и освободили от лямок.

Гости скинули меховые дохи на нарты и, стряхнув снег с торбазов, двинулись к входной двери чора-дю. Тут навстречу им выходит высокий согбенный ламут.

– Ого, наконец-то! Чуюла моя душа, как вы подъезжаете. То-то вот уже несколько ночей мне плохо спалось. Но, поверьте, ничуть не волновался. Знал, едут издали путники с добрыми намерениями. Чуюл, чуюл, что вы едете, – радовался хозяин, протягивая руки к Ичээни. Тот обеими ладонями снизу и сверху крепко пожал их. Это неписанный знак глубокого уважения у ламутов. По всему видно было, как обрадовался хозяин сярму неожиданному приезду сородичей. Старик Горго оказался высокорослым, сухощавым и подвижным. Велел забить сразу двух мангаев³¹. Соседи-ламуты быстро разделали туши. Хозяйка дома с дочерью занялись приготовлением пищи. Одновременно поили гостей горячим чаем с оленьим молоком.

После долгого чаепития вспотевшие гости положили чашки вверх дном. Это означало, что больше чаю они не хотят.

Будто увидев это, в чора-дю один за другим степенно зашли ламуты из соседних илуму... Они одеты в легкие кожаные тужурки мехом внутрь. На головах высокие меховые шапки-авун.

– Познакомлю вас с моими детьми и сородичами, – говорит Горго, поправляя жирник на медной тарелке, на тусклом свете которого едва видно продолговатое лицо Горго. – Садитесь теснее, чтоб всем хватило места. Гирге, ты присядь поближе к гостям.

Рослый долговязый молодой ламут пододвинулся к сидящему Тонмэю.

– Это мой старший сын Гирге, – громко сказал хозяин сярму.

– А за ним Боочи. Он моложе Гирге на полтора года.

Гости глянули на Боочи. Тот на голову ниже Гирге. В отличие от старшего брата оказался шире в костях.

– За ним третий сын Танмари... – улыбнулся Горго.

Парень бледнолиц, тонок.

Горго представил еще троих сыновей: Гидани, Чиктикан, Эрбэтчэн – самый младший. Назвал ламутов, которые с ними кочуют вместе. Токини – средних лет, Гякачан – молодой ламут, Гусэтэ – крепкого телосложения, Каганкан – пожилой ламут, отец молодых ламутов, которых назвал Горго. Женщины остались в своих илуму.

³⁰ Илуму – конусообразный чум.

³¹ Мангай – упитанная оленья самка, которая не телилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.